

МСТ МТЕМІ

**ТАЙНОЕ
СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ**
КИРИЛЛ КАЗАНЦЕВ

[страшный суд свершится на земле]

Кирилл Казанцев

Тайное становится явным

Серия «Мстители»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4567883

Мстители. Тайное становится явным : роман / Кирилл Казанцев:

Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-58627-1

Аннотация

В самом центре Сибири орудуют неизвестные мстители, которые преследуют местных коррумпированных чиновников и наказывают их за совершенные преступления. А наказывать есть за что. Руководитель районной администрации занимается растлением детей. Депутат Законодательного собрания сбил женщину и даже не остановился. Прокурор и заместитель главы районной администрации – взяточники и воры. Чиновники напуганы. Они требуют от московских правоохранительных властей защитить их от самосуда. С мстителями поручено разобраться подполковнику ФСБ Игорю Неделину. Вскоре сыщику становится известно, что не так давно мстители «отметились» в подмосковном Качалове. Остается только понять: самосуд вершат одни и те же люди? А тут еще выясняется, что кто-то из «своих» сливает мстителям компромат на чиновников...

Содержание

Вторник, 4 октября	4
Суббота, 8 октября	42
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Кирилл Казанцев

Тайное становится явным

*Осенью всегда бывает грустно,
Даже если не о чем грустить.
Маргарита Агашина*

Вторник, 4 октября

Только в десять вечера начальник уголовного розыска Железнодорожного РУВД Глеб Огульнов вырвался с работы. Запер кабинет, сдал ключи дежурному. Табельный «Грач» предпочел не сдавать, сроднился уже с этой килограммовой «цельнометаллической оболочкой» под мышкой, чувствовал себя без нее не то чтобы уязвимым, но каким-то... недоуком-плектованным.

– До завтра, Глеб Кириллович, – попрощался дежурный, провожая глазами спортивную фигуру сорокатрехлетнего майора полиции – живую легенду управления, частенько сравниваемую с небезызвестным Глебом Жегловым (а Глеб Кириллович, действительно, от персонажа Высоцкого позаимствовал не только имя).

На улице давно стемнело. Накрапывал дождик. Осень выдалась слякотная, с повышенным температурным фоном. Майор обошелся без зонта – для жесткого «ерша» на голове

влаги не помеха, поднял воротник кожаной куртки и зашагал на управленческую парковку. Машин вокруг «Ровера» практически не осталось – редкий сотрудник засидится на работе до десяти вечера – тем более в день, когда наша сборная опять собралась кому-то проигрывать. Футбол Глеб Кириллович не любил. Он забрался в машину, включил стеклоочистители и задумался. «Не слабо Глеб Кириллович поднялся, – шептались за спиной коллеги, – «Ленд-Ровер» приобрел – здоровый, как авианосец, в полной люксовой комплектации...» Дождь пошел на спад, сквозь матовую изморось проступало кирпичное здание управления, расположенное в квартале от железнодорожного вокзала. Окна 2-го отделения находились на первом этаже. «Обитель зла-2», – шутили сотрудники и чертыхались «клиенты» заведения. Майор прокручивал в голове события ушедшего дня. Ситуация под контролем, бразды правления в правильных руках. На работе запарка: четыре нераскрытых убийства, снова бытовая драма с обольщением и топором – нестареющая классика. Словно сговорились в этом сибирском мегаполисе кончать своих избранниц «в состоянии аффекта» популярным плотницким инструментом. Большая кровопролитная любовь. Начальство не дает покоя, ведь не за горами выборы в Думу, раскрываемость должна быть идеальной. При чем тут выборы в Думу? Какое дело криминальному элементу до большой политики (и наоборот)? С раннего утра сплошные совещания, накрутки, оргвыводы. Секретарша шефа Ася Вла-

димировна только и успевала бегать с этажа на этаж, таская макулатуру с управленческими печатями. «По «Аське» общаемся», – удачно пошутил Володька Лихачев, заместитель Огульнова. Подхалимы на высоте, стелятся перед высоким начальством, в рот ему заглядывают. Просто на дух не выносил всех этих приспособленцев, подпевал, блюдолизов, трясло от одного их вида – скользких, вкрадчивых, якобы лояльных – ах, только на вас вся надежда, Глеб Кириллович, на вашу мудрость и прозорливость... Тьфу. Мудрость и прозорливость всегда при нем – давно бы уже голову откусили, не стой он на страже...

Ладно, прорвемся. Всегда прорывались. Майор Огульнов завел машину и вырулил через открывшийся шлагбаум на улицу Полярников, помчался на кольцо к цирку. Ничто не мешало: вечерняя пробка рассосалась, а ямы в асфальте его рессорам – что слону дробина. Развернулся, покатыл по Надымской, уверенно разгоняясь. На скорости, превышающей разрешенную ПДД, лучше думалось. «Хватит думать, – чертыхнулся мужчина, – домой пора». Ведь должен он хоть иногда появляться дома, для чего отгрохал в новой квартире на улице Галушеева дорогуший ремонт? Для галочки? Кстати, про Галочку... Майор резко затормозил у переливающегося огнями цветочного магазина с мыслями о том, что он не черствый сухарь и должен делать приятное жене – не так уж много у Галки радостей. Детей не завели, работать муж запрещает, кукует сутками напролет в пятикомнатной кварти-

ре, гадая, прибудет ли сегодня муж на «побывку». Так уж получилось, что догнала судьба однажды, потащила в загс, вцепившись клещами... Десять минут спустя он загрузил на заднее сиденье охапку желтых роз, хоть и слышал что-то недоброе про желтый цвет, вроде как к разлуке или измене, но Галке все равно понравятся, пусть только попробуют не понравиться. Проехав полквартиры, снова ругнулся, смяв пустую сигаретную пачку. Пришлось остановиться у киоска.

У окошка скопилось полдюжины гопарей. Уже совершенно неадекватные, ржали, как кони, донимая продавщицу и поджидая клиента для «окучки». Огульнов поморщился – в натуре, стоя диких макак. Подобную публику он тоже не выносил. Наследие советской власти и лихих девяностых – собрать бы всех в одну колонну и шагом марш в пропасть – чтобы делами заниматься не мешали! Он зашагал к киоску – уверенный в себе, независимый, с брезгливо поджатыми губами. Шпана насторожилась. Какое-то чучело в драной кепке с наушниками неохотно оторвалось от оконца, упершись взглядом. Шевельнулось что-то слева, справа – задумались, уроды. Вроде серьезный дядька, на «Ровере»... Ситуация под контролем – хотя чего тут, право слово, контролировать!

– А ну, кыш, – процедил он. – Чего прирос к окошку?

– А ты чего, бурый? – обиделся гопник. – Стою – значит, надо. Ты откуда взялся такой, дяденька? – ну, точно, полный идиот, акушерка при рождении об стену ударила.

– Смотри-ка, крутой, – пикнул фальцетом кто-то справа. Огульников даже отвечать не стал – ниже достоинства. Как обычно – был бы запевала, а подголоски найдутся. Эта публика предсказуема, как кот, которому показали валерьянку.

– Сейчас с нами бабосиком поделятся... – размечтался другой.

Майор схватил «запевалу» за шкурку, встряхнул и отбросил, как прилипшую гусеницу. Можно до «Грача» дотянуться, но что-то не хочется. Хулиганы загомонили, а «запевала», скользкий, как угорь, сделал танцевальный пируэт, устоял на своих двоих и прыгнул в стойку, хищно растопылив пальцы. Боже, какой примитив.

– Пацаны, да это ж мент! – прозрел какой-то глазастый заморыш и трусливо попятился. – В натуре мент, он из «двойки», мне Шпиндель на него показывал, говорил, что с этой фигурой лучше не связываться...

Для ускорения процесса майор сделал вид, что тянется к кобуре под мышкой. И тут молодую шпану как ветром сдуло, растворились в кустах, прилегающих к облезлой многоэтажке. Даже пнуть некого.

– Пачку «Кэмела», – вздохнул Огульников, протягивая продавщице скомканную купюру. Сдачу не взял, закурил, обозрел хозяйским оком притихшие кусты.

Дорога к дому в этот вечер оказалась терниста и извилиста. В мегаполисе участились случаи поджога дорогостоящих машин. Он не рискнул оставлять свой «Ровер» у подъ-

езда. Загнал на охраняемую парковку, где имел зарезервированное местечко, отправился домой кратчайшим путем – по каменным джунглям, мимо поликлиники, хваленого в городских СМИ детского садика с теремком и резьбой по дереву – через гулкую, пустынную подворотню, завершающуюся решеткой и всегда открытой калиткой.

– Помогите... – донесся слабый женский стон, сменившийся криком боли. Возня, приглушенная брань. Глеб Кириллович невольно ускорился. Он порядочный коп, а коп обязан реагировать на сигналы граждан! Вновь забился в каменном мешке отчаянный вопль, и Огульнов побежал, впечатывая подошвы в каменные плиты. Как же вовремя, черт возьми! Оказалось, что в двух шагах от распахнутой калитки и выхода в пустынный двор двое отморожков подкараулили женщину. Внешне – какие-то серые, невзрачные, в натянутых на глаза шапчонках. Один выворачивал женщине руку, другой вырывал сумочку, в которую она вцепилась что есть мочи, плевалась ему в лицо, кричала.

Майор Огульнов мгновенно оценил ситуацию. Не насильники – обычные «гоп-стопщики», пацанва непуганая. А баба тоже хороша, шляется поздно вечером, да еще в таком «приглашающем» виде! Светлые сапожки, светлая сумка, демисезонное пальтишко белого цвета – в темноте такой не спрятаться. А главное, роскошные светлые волосы – они рассыпались по плечам после того, как с нее свалилась шапочка... Классовая ненависть обуяла начальника уголовного розыс-

ка! Как он ненавидел эту шваль подзаборную! Она повсюду, отрывает от работы, мешает заниматься настоящим мужицким делом!

— А ну, ша!!! — прорычал он, подлетая к решетке. А хулиган уже вырвал у девушки сумку... и выронил ее, услышав глас правосудия у себя над ухом. Рассыпались нехитрые предметы женского обихода, покатились, постукивая, губная помада.

— Валим, Толян! — взвизгнул первый, отпуская женщину.

— А хрен-то... — выплюнул второй, делая стойку.

Блеснуло что-то в руке — и что, интересно? Какие мы крутые. И УК РФ не боимся? Девушка зашаталась, стала сползать по грязной стеночке, пачкая нарядное пальтишко. Первый хулиган растерянно метался, не зная, что делать. А «товарищ» подпрыгивал, как болванчик, вертел между пальцами «перышко». Бросился, но замахнуться не успел, схлопотал по челюсти. Какого черта выставять «скворечник», когда отводишь руку с ножом? Мощный получился удар, но хулиган опомнился, ойкнул от боли, выронил «инструмент»... и вдруг проворно свалил вбок, отбил от стены, словно мячик. Надо же, какой шустрый... Огульнов крутанулся за ним, чтобы схватить за рукав, но тот опять ускользнул, хулиган кинулся бежать, но ноги заплелись. И вновь ушел от возмездия, откатился, а там уж подскочил, побежал, растворяясь во мраке проходного двора. Майор метнулся, чтобы схватить подельника, но и тот уже мчался прочь, оглашая подворотню

энергическими выражениями.

Девушка, давясь слезами, ползала на коленях, сгребая в сумочку свое хозяйство. Огульнов поднял укатившуюся помаду, присел рядом с ней на корточки.

— О, мамочка моя... — твердила блондинка, — да что же это такое творится на белом свете... О, Господи, как жить-то после этого?..

— А когда вы в последний раз головой думали, сударыня? — мягко осведомился Глеб Кириллович, — Вам так приглянулась эта темная подворотня?

— Сама не понимаю... — всхлипывала она. — Никогда здесь не хожу... да я вообще пешком не хожу, у меня машина вчера сломалась, отдала в ремонт, вот и пришлось. Откуда я знала, что здесь такое бывает... — ее голос подрагивал.

Глеб Кириллович почувствовал усталость и срочную необходимость вернуться к жене. «А ведь я цветы в машине забыл! — внезапно прозрел майор и чуть не хлопнул себя по натруженному лбу. — Как же так?» Ведь склероз — не по его части...

— С вами все в порядке? — спросил он, пытаясь рассмотреть в полумраке женское лицо.

— Уже не больно, — прошептала девушка. — Рука вот только онемела. Я чуть сознание не потеряла, когда они стали ее выкручивать. У меня же не левая резьба, ей-богу... Но ничего, уже проходит... Господи, какие безмозглые... — посетовала несостоявшаяся жертва. — Ведь у меня и денег прак-

тически нет, всего каких-то восемь тысяч – и те в пальто, вместе с телефоном... Спасибо вам огромное, – она подняла голову, и в глазах ее зажегся призывный огонек. – Я даже не догадывалась, что в наше время еще существуют благородные мужчины... Если бы не вы...

– Они бы вас просто ограбили, – смутился Огульников. Он и впрямь не считал свой поступок чем-то выдающимся. – Это всего лишь трудные подростки, девушка, они такие «милые» в этом возрасте...

Спасенная девушка приснула и стала всматриваться в его лицо, затушеванное полумраком.

– Следует понимать, что вы обитаете где-то поблизости?

– Здесь рядом, – отозвалась девушка. – В пятом корпусе этого странного архитектурного сооружения, что называется элитным домом на Галушеева. У меня однокомнатная квартира на первом этаже.

Просто здорово. Не хотелось бы, чтобы прекрасная незнакомка обитала в непосредственном соседстве с его домом или, боже упаси, В ЕГО ДОМЕ. Нет, это были разные концы относительно компактного микрорайона.

– Пойдемте, я вас провожу, – он помог незнакомке подняться. – А то вы в своей вызывающей экипировке все неприятности по пути соберете...

– Ой, правда? – обрадовалась девушка. – Я даже не знала, если честно, как вас об этом попросить. Вы, наверное, домой спешите?..

Он вел ее по закоулкам, поддерживая под локоток, а она доверчиво льнула к нему, щебетала, чирикала. Шок и трепет понемногу проходили, девица разговорилась. У нее имелось чувство юмора, речь была грамотная, но умом и сообразительностью она явно не щеголяла. Что еще взять с блондинки? Звали девушку то ли Олесей, то ли Оксаной (Огульнов не запомнил), работает в офисе, вернее, работала, поскольку два дня назад ее уволили, и теперь приходится ездить по подругам и плакаться в жилетки – формально все сочувствуют, а фактически глубоко наплевать. Позавчера ее бросил парень, вчера сломалась машина, сегодня напали в подворотне. Не жизнь, а сплошные стрессы.

– Чтобы стресса избежать, нужно выпить и лежать, – глубокомысленно изрек майор Огульнов.

Девушка засмеялась – со свободой нравов все было в порядке. Он тоже говорил о себе. Лишь общие фразы – мол, к туалету приучен, не кастрирован. Про вынужденный брак – одну из форм наказания, связанных с лишением свободы...

– Ну, вот мы и пришли, – она вздохнула и как-то странно на него посмотрела.

Они стояли под фонарем, глядя друг на друга. В животе уже не просто чесалось, а призывно визжало. Хорошенькая – до одури! Не больше тридцати, скуластое личико, большие глаза с завораживающим блеском. Запах дорогих духов и электрическое притяжение – он чувствовал его физически, по коже сурового мента ползли мурашки, волосы вставали

дыбом. Он тоже ей нравился – это чувствовалось. Начальник уголовного розыска был видным мужчиной – с приятной аурой, харизмой.

– Может, зайдете на чашечку чая? – пробормотала блондинка. – Я живу одна, а завтра все равно не на работу...

Эта барышня действовала на него магнетически. Да, и еще раз да! Отличное завершение «черного» вторника: черная ночь и блондинка на белой простыне, или какая там у нее простыня... Галка подождет, секс с женой не интересен. В последние годы, занимаясь с женой любовью, Глеб Кириллович не мог избавиться от мысли, что чувствует себя некрофилом, хоть бы раз пошевелилась, обняла его хоть пальчиком, простонала бы что-нибудь...

Огульников кивнул и полез обниматься – девушка смеялась, уклонялась от его похотливых лап, но тоже неровно дышала, он это чувствовал! У женщин все не так – не каждая готова отдаться у парадного, им требуется домашняя обстановка, уют и приватность. Она отступала, восходила по ступеням, звеня ключами, он шел за ней – взволнованный, истекающий желанием. Будто замкнуло в голове, кровь отлила от участков мозга, ответственных за принятие взвешенных решений. Он ловил ее в подъезде, спотыкался о ступени, а она ускользала, хихикала. Майор плохо помнил полутемную прихожую, комнату, хрустальный ночник, озаряющий пространство бледноватой пастелью, задернутые шторы. Он обнял ее, вгрызся зубами в шею – лопнуло терпение, но сно-

ва она вывернулась! Сбрасывала с себя испачканное пальто, приличные одежды («полиция моды» к таким не подкопается, точно), затем упругое тельце в бикини телесного цвета юркнуло в ванную комнату, и он чуть не взвыл! Но пробыла она там недолго, явилась в прозрачном пеньюаре и снова принялась сводить его с ума. Глеб Кириллович срывал с себя одежду, избавлялся от кобуры, рвал через голову рубашку. Девушка толкнула его, и тот с голым торсом плашмя свалился на покрывало. А сама уже колдовала у холодильника, майор помнил, как в деле фигурировали два бокала на высоких ножках, бутылка импортного портвейна. Еще и пошутил дрожащим голосом: а не хлебнуть ли нам, мол, «партийного»? Девушка смеялась – и как она не устала еще смеяться над его шутками? Выпив, он окончательно забылся в реальности – сознание заволокло, а девушка смотрела на него влюбленными глазами – такими добрыми, ласковыми, и даже поддерживала его бокал, чтобы удобнее пилось. Он ослаб, и ни один тревожный предохранитель в голове не сработал!

Потом был танец с умеренным содержанием стриптиза – Огульников ей подыгрывал, хлопал в ладоши, пуская слюни. Пеньюар оставался на теле – она извлекла из-под него кружевной бюстгальтер, похожий на наушники для плеера. Глеб Кириллович заволновался – а все ли в порядке с грудью, что там скроешь под «наушниками»? Но нет, нужные холмики очерчивались вполне аппетитно. Потом от девушки отделились трусики – она швырнула их ему в лицо, позволила по-

гладить себя по коленке. Он принял сидячее положение – пока еще силы имелись, обнял ее за талию. Теперь не уйдет! Мир куда-то поплыл, он блаженно захрюкал:

– Попалась, шалунья... А ну, признавайся, какую позу предпочитаешь?

– Гражданскую, Глеб Кириллович, – голос девушки изменился. Игла вонзилась под ключицу! Майор подпрыгнул от пронизывающей боли. Сознание померкло. Какое-то время перед ним еще стояло женское лицо в ореоле белокурых волос – она придирчиво его разглядывала, – но потом и оно пропало...

Глеб Кириллович проснулся от того, что окатили водой! Распахнул глаза и узрел в нереальной дали витиеватую люстру, под которой обнимал красотку. Люстра была размазанной – словно ее долго и сознательно возили о наждачную бумагу. И все вокруг люстры – расплывалось, текло. Он поморгал, лучше не стало, со зрением определенно возникали проблемы. Понял, что лежал на той же койке, над ним склонялось женское лицо.

– Вы в порядке, Глеб Кириллович?

– Это че, блин, было? – прохрипел он и рванулся, чтобы схватить эту тварь за горло! Но ахнул – боль порвала – и мешком повалился обратно. Во всех закоулках черепной коробки грянул гром! Он застонал. Мир не сделался четче и понятнее, но соображать он начал. Мужчина лежал, распя-

тый, как звезда, посреди кровати – слава богу, что в штанах, хоть и расстегнутых! Руки связаны в запястьях, прикреплены к боковинам кровати, ноги тоже к чему-то там прикручены. Он взвыл, изогнулся дугой, напрягся так, что слюна потекла изо рта, он чуть не захлебнулся! Затем обмяк, задышал надрывисто и сипло.

– Эй, как тебя... ты что творишь, сука? – прохрипел он. – Это, по-твоему, сексуальные игры? Тебя так обучали, да?

И вновь приблизилось женское лицо. Но не то, что было раньше, без резко очерченных линий, а также... белокурых волос. Их заменило что-то каштановое. Но он узнал ее запах – теперь он вызывал лишь рвотный рефлекс.

– Мы прерываем наши сексуальные игры, Глеб Кириллович, – безо всякой игривости сообщила девушка, – для передачи важного сообщения. Просим прощения, что обошлись с вами не по-товарищески, вы действительно самоотверженно бросились спасти незнакомую девушку, но это не умаляет вашей натуры и ваших преступлений.

– Ты что несешь, сука! – и вторая попытка освободиться из позорного плена завершилась громом Зевса в голове. «Театральная постановка!» – прозрел он. Отморозки подставные, его поджидали в этой подворотне!

– Слишком сложно, да, – подумав, призналась девушка. – Актерам пришлось импровизировать и спастись бегством, ввиду пистолета у вас под мышкой. Характерная роль – я получила удовольствие, съем квартиры на сутки в подходящем

месте – слава богу, в наше время с этим нет проблем. Дело не в вас, Глеб Кириллович, и даже не в зрителях, которым безразлично, где настигнет вас возмездие, а исключительно в НАС – такие уж мы затейники и фантазеры...

Что она несла? Половина фраз не оседала в голове, а смысл остальных не доходил. Тут есть и другие? И вдруг он уловил, что за спиной у девушки мерцает постороннее тело – такое же нечеткое, а перед кроватью установлено что-то на долговязой треноге... Майор всмотрелся... и начал покрываться мурашками от ужаса. Что еще устанавливают на треноге, как не записывающую аппаратуру, которую не хочется держать в руках? Его снимала видеокамера – он слышал легкое жужжание!

– Ты кто такая, сука? – простонал он. – Ограбить хочешь?

– Нет, мы из другого анекдота, Глеб Кириллович. Разумеется, я не Олеся и не Оксана – в пылу обуйавшего вас либидо вы называли меня и той и другой. В вашем положении лучше не дергаться – привязали вас прочно, и не ругаться – вашу нецензурную брань в недалеком будущем услышат миллионы людей. Среди них будут и дети. Приделайте фильтр для базара, Глеб Кириллович.

– Да что, вашу мать, происходит?..

– Мир такой странный, Глеб Кириллович, – вздохнула девушка. – Смиритесь. Мы сами удивлены.

В комнате рассмеялся мужчина. И снова он задергался – какого черта?!

– Вы покойники, твари... – захрипел Огульников, и это было самое литературное в последующей бранной тираде. – Вы хоть знаете, суки, на кого руку подняли?

– Именно поэтому, Глеб Кириллович, мы и здесь, – сказала девушка, – поскольку прекрасно знаем, кто вы такой. Дело ваше, хотите материться при детях – материтесь. Вы такой сексуальный, когда сердитесь.

– Неужто? – пробормотал мужчина. – Надеюсь, эта фраза не войдет в окончательную редакцию нашего фильма?

– Конечно, дорогой, вырежем. Горько признавать: майор Огульников – очень сексуальный мужчина, но ему не удалось поколебать мою добропорядочность и вселенское целомудрие. Начнем, коллега?

– Подождите... – запаниковал Огульников, когда над ним склонились две «кляксы». – Что вы хотите делать? Кто вы такие? – Гнев сменился страхом, его трясло и ломало, он до крови закусил губу, чтобы не выглядеть последним ничтожеством. Соленый пот заливал глаза, их невыносимо щипало.

– Вы нас видите, Глеб Кириллович? – спросил мужчина.

– Да, черт бы вас побрал...

– Отлично. Если видите, значит, существуете. Перед вами – ночная стража, господин майор. Не сказать, что в современной России это что-то новенькое, но еще не избитое. Проявите фантазию, представьте демона из ада, явившегося за вашей душой. Или апостола Петра с ключами – дело хозяйское. Не волнуйтесь, ваш мистический транс продлит-

ся недолго. Мы вас вытащим из него, обещаем. Дорогая, ты проверила? Мы ни в чем не ошиблись?

– Это он, – подтвердила девушка. – Я ознакомилась с документами в портмоне. Там, кстати, спрятана маленькая иконка – как-то странно, да?

– Не вижу ничего странного, – ухмыльнулся мужчина. – Чертям икона не помеха. Вот в Кремле, например, эти иконы висят на каждом шагу... – Он дождался окончания очередной нецензурной тирады, откашлялся. – Вы чем-то расстроены, Глеб Кириллович? Считаете, мы неправильно распределили роли? Привыкли находиться «сверху»? Увы, это время прошло, с сегодняшнего дня роли распределяются правильно. Итак, Огульнов Глеб Кириллович, – повысил голос мужчина, – заслуженный работник внутренних дел, гроза преступного мира, бескомпромиссный борец за очищение улиц наших городов от криминального сброда – пользующийся авторитетом среди коллег и любовью среди простых граждан... Заткнитесь, Глеб Кириллович, а? А не то мы сами вас заткнем. Ваши сильные стороны – решительность и гибкий ум, вы не сторонник лебезить перед начальством и не выносите подхалимов. Имеете собственное мнение и всячески его отстаиваете. Суровы, как сорок пятый калибр. Храбры – истории известны несколько случаев, когда вы лично выезжали на захват особо опасных преступников и не особо с ними церемонились. Данным способом вы гоняете адреналин – ваша кровь не должна застаиваться. Вам нужен риск, нужно

упоеание от опасной гонки, от перестрелки, от драки, от погони, от чувства собственной безнаказанности. Вы – специалист до мозга костей...

– Профессиональная версия, – уважительно заметила девушка.

– Никак не меньше. Но, увы, вы не Жеглов, Глеб Кириллович. Вы любите деньги. Вы жадны, вы упиваетесь дарованной вам властью, вы садист, батенька, человеческая жизнь для вас – пустой флакон...

– Ты уже мертвец, сука... – процедил Огульников. Он сжал кулаки, напрягся, побагровел, жилы вздулись по всему телу... но рождения Левиафана не произошло, путы держали крепко.

– Вам нечего возразить, – ровным голосом продолжал мужчина. – Сколько уголовных дел вы сфабриковали за свою карьеру, господин майор? Сколько невинных отправили за решетку? Счет идет на десятки, не так ли? Сколько человек вы прикончили лично или послужили непосредственным виновником их смерти – не защищая при этом свою жизнь или жизнь других граждан? Вас боятся, причем не только преступный мир. Вы мстительны, коварны, непредсказуемы. На вас опасно заявлять – вы осторожны, хитры, потащите за собой толпу, и это останавливает тех, кто хотел бы от вас избавиться. Ваша биография не блещет оригинальностью, но в некотором роде показательна. Десять классов образования, в начале девяностых, отслужив в армии, открыли собствен-

ный бизнес. Тогда это было просто – достаточно гаража и паяльника. Подойдет и утюг – надежный прибор для узнавания правды. Но карьера рэкетира вас не устраивала, хотелось большего. Рэкетеры долго не жили. Вы много думали, но тут вмешался случай – и жизнь заиграла свежими красками. Воплощение анекдота: хулиган Петров попал за драку в полицию, где и проработал до самой пенсии. Вы поняли, где проворачивают настоящие дела. Недолгая карьера в ППС, выколачивание дани у мелких коммерсантов, но теперь уже под эгидой государства, школа милиции, после офицерские звездочки. Вы демонстрировали начальству, что такое эффективная работа, как за считанные дни найти виновных и привлечь их к ответственности. По прошествии лет решили попробовать себя в качестве детектива – и это удалось. Вы росли, набирались опыта. Когда российскую милицию безо всяких оснований переименовали в полицию, вы с легкостью прошли переаттестацию. Увы, это только в Америке полицейских называют копами. В России их еще долго будут называть ментами...

– Эй, ты... кончай тянуть кота за яйца... – прохрипел Огульнов. – Че за хрень ты тут порешь?..

– Перечисляю ваши грехи, Глеб Кириллович. Жителя нашего города – мелкого коммерсанта по фамилии Халтурин – приговорили к двум годам колонии строгого режима за ложный донос на полицейского. Этим полицейским были вы. Началось с того, что вы переспали с женой Халтурина – эф-

фектной женщиной – и тот узнал. Не имея о вас информации, Халтурин пошел выяснять отношения. А потом подал в правоохранительные органы заявление, в котором говорилось, что вы нанесли ему тяжелые побои. Но суд разобрался по справедливости. В ходе расследования выяснилось, что у вас есть алиби – в момент нанесения побоев вы находились дома, что подтвердила и жена. В итоге дело возбудили на самого Халтурина. Он оказался виновным по второй части 306-й статьи УК – ложный донос о совершении преступления, соединенный с обвинением лица в совершении тяжкого преступления. Безвинно пострадавший Халтурин отправился топтать зону, эффектная женщина сделала аборт – настолько неудачно, что детей у нее уже не будет. А Халтурину в колонии отбили почки – так сильно, что он никогда уже не проживет полноценной жизнью. Бессмысленно спрашивать про угрызения совести, Глеб Кириллович. А ведь эти люди не являлись вашими классовыми врагами.

– Ты меня обвиняешь, сука? – набычился Огульнов. – В чем ты меня обвиняешь? Эта скотина получила по заслугам...

– Разумеется, Глеб Кириллович. В августе текущего года бывший участковый в Железнодорожном районе рассказал оппозиционному сетевому изданию о пытках, применяемых полицейскими под вашим руководством, чтобы добиться признательных показаний. По данному факту Следственное управление СК РФ провело проверку. Следователи не

нашли нарушений, а на уволенного участкового завели уголовное дело за самоуправство. Вы навестили бывшего коллегу и избили его так, что он неделю мочился кровью. Можно представить, Глеб Кириллович, как вы были рассержены.

– Что за хрень... он сам полез в драку...

– Без комментариев. Этот случай не первый, когда страдают ваши коллеги. У курсанта высшей школы милиции по фамилии Зименко возникли проблемы с девушкой, а та, как на грех, оказалась двоюродной племянницей вашей жены. Ну, разонравилась она курсанту, решил другую завести. Включились скрытые механизмы из области «Мсть и Закон». Против Зименко возбудили уголовное дело – за избиение прохожего. Курсант обвинил полицейских в применении пыток. Мол, оперативники вызвали его с занятий и доставили в отделение, требовали признаться в преступлении, о котором он ни сном ни духом. Затем надели на голову пакет, присоединили к пальцам провода и пустили через них ток. В перерывах били. Мучили несколько часов, после чего молодой человек подписал признательные показания и вышел на свободу под подписку о невыезде. Будучи толковым, он помчался в областное бюро судебно-медицинской экспертизы, где снял ожоги и побои, а затем обратился к следователям. Дополнительная экспертиза подтвердила, что через курсанта пропускали ток. Но система работает без сбоев, результаты экспертиз куда-то пропали, следователи стыдливо отворачиваются... Курсанта снова взяли под стражу, он дожидается

суда по сфабрикованному делу, и только родная мама безуспешно ходит по инстанциям и бьется в ворота изолятора...

– Да я этого заморыша и пальцем не трогал...

– Вы так выразительно комментируете, Глеб Кириллович. Помолчите – вам же лучше будет. Бессмысленно перечислять ваши деяния – в них можно утонуть. Только за последние два месяца... Допросы с пристрастием в казематах вашего отделения. Поточно-пыточный метод, право слово. Обвиняемые в квартирных кражах не желали сознаваться – даже под грузом разоблачающих улик. Они вели себя вызывающе и дерзко. Терпение лопнуло, и мощным ударом в верхнюю область живота вы порвали селезенку молодому человеку по фамилии Лямин. Кровь хлынула в брюшную полость, разрыв привел к шоку, и «пациент» скончался через четверть часа. Вы не растерялись. Все присутствующие при допросе дружно подтвердили, что допрос проводился с соблюдением всех процессуальных норм, а подозреваемый сам повел себя неадекватно, бросившись животом на угол столешницы. Экспертиза могла бы опровергнуть данное утверждение, но кто бы стал ее проводить? Майор Огульнов недосыгаем, он нужен, важен, слишком много на нем завязано. Возможно, этот парень и был преступником, но заслуживал ли подобного обычный квартирный воришка?

Огульнов молчал, тяжело дышал, вода по сторонам воспаленными глазами. Он готовился к мощному рывку – порвать веревки, порвать этих выскочек...

– Пьяный коммерсант на вокзале поссорился с сотрудниками ППС, и за неимением в наше время вытрезвителей его доставили во второе отделение, где в ту ночь дежурили вы. Вы быстро поняли, что можно нажиться, и лично допрашивали несчастного. С применением, разумеется, вашего верного оружия – кулаков. Стали вымогать с бизнесмена семьсот тысяч рублей. В противном случае: статья 19, пункт 3 «Неповиновение законному требованию сотрудника полиции». Вообще-то, штраф до тысячи рублей или пятнадцать суток административного ареста, но в вашей редакции выходил внушительный тюремный срок: за сопротивление при задержании, за то, что при задержанном нашли наркотики, и т. д. и т. п. Избитому бизнесмену пришлось платить. А после того как он, не подумав, обратился с жалобой в прокуратуру, платить пришлось вдвойне – одновременно залечивая перелом голени...

Огульников снова молчал. Теперь глаза его были закрыты, дыхание нормализовалось. Стороннему наблюдателю могло показаться, что человек спокоен.

– Вспомним закрытие воровской «малины» на улице Советской. Туда подтянулся СОБР, ваши оперативники и вы лично. Квартира двухуровневая, несколько выходов. Вы вновь решили взбодриться: лихая атака, вынос двери – и вы на белом коне. Всех присутствующих положили носом в пол, но хозяин наверху вздумал сопротивляться. Он выстрелил в вас из пистолета, но, к сожалению, промахнулся. Вы из-

решетили его свинцом – допустим, это было законно... во всяком случае, первая пуля. Но зачем ломать позвоночник двенадцатилетнему сыну покойного, который в порыве отмщения за отца бросился на вас? Он прыгнул вам на спину, вы стащили его с себя и перебросили через перила галереи второго этажа. Малец пролетел по воздуху пять метров и ударился спиной о ковер. Паралич и виды на пожизненную инвалидную коляску. Не чересчур ли, Глеб Кириллович? Он не причинил бы вам вреда – возможно, постукал бы кулачками по спине и укусил бы в шею. Вы и так вампир, не можете жить без вида чужой крови. Временами в вас вселяется лютый зверь и садист, господин майор. Вы убийца и вымогатель. Я не специалист, но считаю, что таких людей в правоохранительной системе быть не должно. И вообще... не должно. Коллеги и прокуроры замаялись вас отмазывать, а что еще делать, если вы такой неприкасаемый? Возможно, будет лучше для всего мира, если вас... просто не станет в один прекрасный день? Без алых роз и траурных лент. Как вы считаете, обвиняемый?

«Обвиняемый» глубоко вздохнул. Закончил мобилизацию организма, был уже готов воспрянуть, нанести сокрушительный «симметричный» удар...

– А теперь приговор, господин майор, – в голосе незнакомца зазвенели медные нотки. – К сожалению, мы единственная инстанция, которая в состоянии это сделать. По совокупности предъявленных обвинений, руководствуясь

отягчающими и смягчающими обстоятельствами, к числу которых относится наш досадный гуманизм, вы приговариваетесь к трем суткам высшей меры социальной защиты – что в дальнейшем изменит вашу жизнь, если она вам еще понадобится...

Мощный рывок – обвиняемое должностное лицо бросилось в наступление! Майор издал оглушительный бычий рев, изогнулся так, что под ним подпрыгнула кровать, натянулись «удила», а сухожилия едва не прорвали кожу. Он почернел от усердия, лицо превратилось в уродливую маску. И в какой-то миг действительно показалось, что веревки сейчас порвутся, произойдет что-то страшное. Но все обошлось. «Перевязочный» материал был надежен и мог бы выдержать безумного слона. Обливаясь потом, майор откинулся на подушку и так заскрежетал зубами, что один из них раскрылся и захрустел во рту.

– Ну, как-то так, – сказал молодой человек, выключая видеокамеру. – Дорогая, где наш шприц, больному требуется успокоительное...

Майор Огульников не помнил, что было после этого. Укол в бедро, и он поплыл по девятому валу. Пробуждение было хуже смерти. Глеб Кириллович очнулся в лежачем положении, с ноющей головой, на относительно мягком одеяле, завернутый в какие-то тряпки. Распахнул глаза... и ничего не увидел! Гнетущая темнота – буквально осязаемая, плотная, зловонная, не хватало кислорода. Он закричал, по-

шевелился, понял, что больше не был связан, явный прогресс. Решил подняться, оперся в одеяло, лежащее на деревянном полу, подался вверх... и свалился обратно, треснувшись макушкой о потолок! Почему так низко? Он вскинул руку, чтобы потрогать пострадавшую макушку, но не смог. Отставленный локоть уперся в стену. Стало дурно и страшно. Он помнил все, что было, до последнего укола – пусть плохо, через какой-то туман, но помнил. Распятое тело на кровати, какой-то «приговор», «трое суток высшей меры»... Что за бред?! Он завозился, выпластал обе руки из-под тряпок, принялся ощупывать стены и потолок. Дыхание перехватило, мурашки поползли по коже. Он ощупывал шершавые доски с заусенцами – упирался в них плечами! Прощупал потолок – до потолка, в натуре, было сантиметров десять! Натужился, принялся давить на него – можно подумать, что потолок отъедет... Он забил ногами – но и там все было плохо. Майор лежал в деревянном ящике, а вокруг было глухо и темно...

Сунули в гроб и закопали в землю? Не может быть, это какое-то средневековье... Страх обуревал, майор задыхался и из последних сил пытался сосредоточиться и проанализировать ситуацию. Он затаил дыхание и прислушался. Глушь глухая... И такое ощущение, что над ним многометровые пласты земли...

– Суки!!! – заорал он во всю мощь легких. – Вы покойники, мать вашу!!! – и добавил такую витиеватую фигуру речи,

что стало легче, невзирая на приступ кашля.

Не могли его заживо похоронить, за что?! А если он действительно в гробу?.. Чушь, это не гроб, это какой-то примитивный ящик, в наше время даже безденежных старушек хоронят в нормальных домовинах, где все устлано нарядной тканью... Огульников снова завозился, стал повторно ощупывать «декорации», тряпки под собой и на себе. Его «заботливо» снабдили одеялами, чтобы не замерз – не май месяц. К черту! Все равно замерзнет, если пролежит здесь еще немного. Он устал бороться со страхом, расслабился, досчитал до десяти, начал все заново. Определил, что ящик длинный, внутри несколько одеял, он может сбрасывать их с себя или закутываться в них. Щелей между досками нет, но воздух поступает (пусть немного и плохого качества). Почему? Он вывернул ногу и почувствовал, как судорога поползла от пальцев по лодыжке. Замер, но справился с этим. Облегченно вздохнул. Судорога в тесном пространстве – почти приговор. Майор был в своих ботинках. Куртка – тоже своя, под курткой джемпер. Его одели, пока он пребывал в прострации. Вот же твари... Брюки, ключи, какая-то мелочь в тысячных купюрах, телефон... Не может быть! Он выудил, задыхаясь от волнения, свою навороченную «Нokia», неужели проворонили, уроды? Поднес к глазам, ткнул в джойстик, зажегся экран! И чуть не завопил от разочарования – сим-карту удалили! Можно поиграть в «сердитых птиц», полюбоваться фотками на карте памяти... или использовать теле-

фон в качестве фонарика! Впрочем, недолго – аккумулятор уже садился.

Мерклый свет прыгал по доскам, по тряпкам, что-то впереди, над ногами... Он всмотрелся: кусок трубы диаметром сантиметров восемь, врезанный в дерево, – по нему постукает воздух с воли. Лучше не пинать эту штуку, даже в ярости, мало ли что. Под правым коленом что-то было, он коснулся ногой, предмет отъехал. Вытянул руку, подтащил это нечто к себе. Пластик с водой – полтора литра. Какие благодетели. Подтащил еще что-то, это оказался хрустящий пакет, в котором, судя по тактильным ощущениям, были... сухари. Издеваются, суки?! Глеб Кириллович завыл, как волк на полную луну, перевалился на живот и охнул от боли, когда под сердце вонзилось что-то острое. А это что за хрень? Он вернулся в первоначальную позу и с недоумением извлек на белый свет свой табельный пистолет. Осветил его, извлек обойму – полная... Намекают, что можно застрелиться?

Не дождутся, ублюдки!!! Праведная ярость обрушилась на майора. Злоба заглушила последние доводы рассудка. Он проорал что-то матерное, оттянул затвор и выстрелил вверх!

Это был не самый удачный поступок в его жизни. Глеб Кириллович практически оглох, чуть не задохнулся от избытка пороховых газов, а позднее обнаружил, что через пробоину в крышке гроба ему на грудь сыплется тонкая струйка земли, и если ее сейчас же не остановить... Попутно со страхом подскочило давление, он чуть не лопнул от головной бо-

ли. Тупо смотрел на эту струйку, на растущий бугорок у себя под носом, машинально подмечал, что садится батарейка в телефоне. До майора окончательно дошло, что он, как истинный покойник, лежит под землей, и можно орать сколько угодно – едва ли он закопан в таком месте, где толпятся люди с идеальным слухом... Давясь слезами и кашлем, он оторвал кусок от одеяла, принялся затыкать дыру. Немного успокоился, провалился в обморок...

Когда он очнулся и все вспомнил, страх затряс с новой силой. Жизнь в телефоне едва теплилась, зажигалки, часов и сигарет его лишили. Пространство сжималось, как в черной дыре, – он никогда не думал, что страдает клаустрофобией. Страх выкручивал, превращал в ничтожество. Он боялся, что в трубе закончится кислород, что выпадет затычка, и его засыплет землей, что не выдержит крышка «гроба моего» и многотонная масса земли его раздавит. Боялся, что замерзнет, что захочет в туалет – о, срань святая, уже хотелось...

Время бесконечно тянулось. Он погружался в беспмятство, приходил в себя, пил воду. Выл и матерился, когда иссяк заряд аккумулятора. Терзали галлюцинации, видения, он старался думать о чем-то отвлеченном, но мысли сводились к одному, и это давило на психику. Почему его просто не убили? Кому нужна эта бесчеловечная пытка? Почему так вышло, что ОН – всемогущий майор Огульнов, заслуженный работник внутренних органов, лежит в гробу глубоко под

землей и его собственные внутренние органы разъедаются опухолью страха?

Когда мужчина вновь пришел в себя, вопрос уже стоял ребром. От нехватки кислорода пухла голова. Холод осваивал организм. Майор поднял пистолет и приставил ствол к виску. Глубоко вздохнул, задержал дыхание. Медленно пополз спусковой крючок, напрягся боек, чтобы сорваться и ударить по капсюлю... Сверкнуло в голове, он в ужасе отнял пистолет от виска, забросил подальше, пяткой отогнал в угол. Только не это, ничто не помешает ему сойти с ума...

Хватились офицера полиции только утром в среду. Заместитель Огульнова капитан Лихачев искренне удивился, когда в половине десятого вознамерился проникнуть к шефу по рабочему вопросу и наткнулся на запертую дверь. Пожав плечами, он решил, что вопрос терпит, и ушел в отдел. Через час выяснилось, что майора по-прежнему нет. Начальник РУВД полковник Власюк, возжелавший узреть у себя на ковре начальника уголовного розыска с планом работ, взял верхнее «ля», потребовал срочно добыть Огульнова, а если не добудут, то всю эту «не кондицию», бегающую по коридорам управления, он лично поставит в позу!

Выждав паузу, Лихачев отзвонился майору на сотовый. Огульнов не любил, когда его от чего-нибудь отрывали. Абонент был недоступен. Тогда он набрался храбрости и позвонил на квартиру. Отозвалась жена – смиренная Галина Игоревна. Майор не приходил домой ночевать! Она не уди-

вилась – всякое случалось за годы счастливой супружеской жизни. Ведь ее муж такой трудоголик. Лихачев уточнил – она ничего не путает? Женщина удивилась, не поняв, как тут можно напутать? Потом спохватилась: «Позвольте, так он и на работу сегодня не являлся?» – и голос ее сделался каким-то встревоженным.

Капитан положил трубку и озадаченно на нее уставился.

– Бедная женщина, – вздохнул раскабаневший на оперативной работе молодой лейтенант Корочкин. Он обедал за рабочим столом – поедал «Доширак» и закусывал его бутербродами с рыбой. – Как ты думаешь, Володя, она и теперь его простит?

– Всё, что женщина прощает, – она еще припомнит... – машинально пробормотал Лихачев. – Ох, Корочкин, нехорошие у меня предчувствия. Не влип ли наш драгоценный Глеб Кириллович... Слушай, кончай жрать, давай за работу!

Огульников пропал, а это было не в его привычках. И прогул, как остроумно выразился Корочкин, он не оформлял. К часу дня отдел стоял на ушах, выяснили, что во вторник майор ушел с работы в десять вечера – этот момент зафиксировал дежурный. По словам работника парковки, сел в «Ровер» и уехал. А куда уж он поехал... Судя по всему – домой. Нервозность нарастала. Сыщики копали город, как кроты: обзвонили морги, больницы, изучили сводки ГИБДД. Изблороздили носом маршрут предполагаемого следования пропавшего. Выяснили, что он покупал в киоске сигареты, по-

вздорил с местной гопотой, но вроде обошлось, уехал. Купил цветы в цветочном магазине, предположительно, жене – их обнаружили на заднем сиденье стоящего на парковке «Ровера»! Букет к этому времени выглядел жалко. Муж часто пользовался этой парковкой, вспомнила Галина Игоревна, если не хотел оставлять машину под домом. От парковки до квартиры – пара сотен метров. Вот в этом «Бермудском треугольнике» майор Огульнов и пропал. Закрыв машину, забыл про желтые розы (вестники разлуки), потопал к жене... и пропал.

До окончания рабочего дня «явления Христа» не состоялось. Начальство кипело. Весь личный состав оперативных отделов был вызван на ковер и поставлен в известность, что если к утру майор Огульнов не найдется, то все до единого работники будут изнасилованы с особой жестокостью (любил полковник Власюк красочные гиперболические обороты). В «Бермудском треугольнике» шла напряженная работа. Опера опрашивали жильцов, ходили по квартирам, предъявляли гражданам фото пропавшего человека. «Вчера, говорите, пропал? – удивлялись граждане. – Странно, вы же вроде принимаете заявления только через трое суток после пропажи... Важный господин, видать, пропал...» Оборвалась единственная ниточка: некто из жильцов видел намеренно похожего человека, когда парковал машину у дома и доставал вещи из багажника. В этот момент мимо проходила парочка: блондинка в светлом и человек, имеющий сходство с фо-

тографией. Пара мило общалась, женщина хихикала. Лица блондинки он не запомнил – разве у блондинок бывают лица? Это были окрестности улицы Галущева, но парочка шла не к дому Огульнова, а совсем наоборот. Что, в общем-то, логично – не повел бы майор блондинку знакомить с женой. «Женский фактор», таким образом, не исключался, но почему он после бурной ночи не пришел на работу?! «Сошел с ума от блондинки?» – высказал сомнительную версию Корочкин. Ну да, майор Огульнов тот еще ходок, но чтобы путать личное с работой...

Один остряк под сдавленный смех коллег внес полезное предложение – оповестить по системе ГО и ЧС, чтобы через полчаса все блондинки жилого массива собрались на спортивной площадке у дома номер...

Нельзя сказать, что опера напрасно провели время. Был отловлен господин, состоящий в федеральном розыске за отказ от уплаты алиментов, закрыт наркопритон, найдена пропавшая неделю назад семиклассница – жила у подруги, страшась родительского гнева, вводя в заблуждение ее подслеповатую бабушку. А молодой оперативник познакомился с хорошенькой девушкой, они понравились друг другу и договорились о свидании, как только уляжется буря в полицейском управлении. «Вазелин купили? – мрачно шутили опера утром в четверг. – Может, и пронесет, а если завтра будет круче, чем вчера?» Но разразилась очередная буря, и начальству стало не до вчерашних обещаний...

В четверг, шестого октября, некими злоумышленниками на You Tube и в социальные сети был выброшен занимательный видеоролик, взорвавший интернетизированные слои населения! Начальству доложили. Начальство просмотрело. Камера невозмутимо фиксировала распятого на кровати Огульнова – все его судорожные метания, забористую матерщину. Злоумышленники в кадре не светились, но их голоса прекрасно было слышно! Майору Огульнову предъявлялись обвинения, перечислялись его деяния, а в финале выставили приговор, смысла которого никто из зрителей не понял. Что такое «трое суток высшей меры социальной защиты?»

Ролик предварял полупрозрачный, но хорошо читаемый телетекст – с краткими пояснениями относительно персонажа. А завершали – не вошедшие в фильм обвинения: фабрикация уголовных дел против крикливых оппозиционеров и организаторов забавных «монстраций» Тёмушкина и Свиридова, вымогательства у бизнесменов, избивание известного городского художника-карикатуриста, страдающего избытком собственного мнения; пытки-пытки-пытки – во имя признания в совершении преступления, пущей сговорчивости, отказа от претензий, во имя массы причин... Список не заканчивался, он был огромным и пугающим. Перечислялись люди, с которыми Огульнов совершал свои преступления, офицеры, чиновники, работники прокуратуры и следственного управления, с которыми он поддерживал тесные

связи...

На несколько часов полицейское начальство впало в ступор. Такого нахальства в преддверии традиционной российской забавы (выборов в Госдуму) ожидали меньше всего. Работники низшего звена, растерянные и озадаченные, расползались по углам, многие спешили убраться подальше. Технические службы уже работали с роликами, прощупывали возможность выявления электронного адреса их дерзкого автора. Психологи заинтересовались голосами преступников. Капитан Лихачев с миной скорбной, как у сапера, не знающего, какой из проводов резать, добрел до рабочего места, извлек из стола початую емкость с коньяком, налил, выпил — и так три раза. Затем, не обращая внимания на присутствующих, уставился в пространство и что-то забормотал про холестериновые блишки, пересадку печени, про «ну ее на хрен, эту б...дскую работу»...

Нельзя сказать, что после данного события поиски майора прекратились, но как-то поутихли. Чутье подсказывало операм, что стараться глупо. И всем хотелось знать, что будет через трое суток. Майора Огульнова не любили и боялись, многих он держал в узде, был слишком одиозной и харизматичной личностью...

В пятницу, седьмого октября, капитан Лихачев пришел домой в одиннадцать вечера. Устал как собака. Планы были грандиозные: в душ и спать. Принимая душ, он залил всю ванную комнату. После него туда прошмыгнула жена и, вор-

ча, что мужчина – это скотина, за которой нужно постоянно убирать, принялась наводить порядок. До кровати капитан не добрался, зазвонил телефон.

– О нет... – простонал измученный мужчина, поднимая трубку.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровался собеседник. – Простите, что отрываю от сна, но если вы хотите найти своего шефа, то должны поторопиться. Ельцовское кладбище, 34-й участок, две березы над оврагом. Три метра на север от трехствольной. Глубина классическая – два метра. Удачи, капитан. Облегчу вам задачу: я звоню из таксофона на автовокзале, очевидцы и продавщица в аптечном киоске вспомнят сутулого бородатого мужчину в штормовке и вязаной шапочке. Отпечатков пальцев на трубке не будет. Но все равно проверьте. Еще раз простите, что не даю поспать. И еще, капитан... – собеседник помялся. – Бросали бы вы действительно эту б...дскую работу...

Ровно в полночь почетный кортеж, вереща сиренами и переливаясь «цветомузыкой», ворвался на Ельцовское кладбище и помчался по аллеям, распугивая мертвецов. 34-й участок – самый дальний, труднодоступный, непопулярный и непрестижный – располагался за оврагом, в трех верстах от центральных врат. Могилки обрастали мхом, свежих захоронений здесь практически не было. А у оврага и вовсе – бугрилась земля, лежал жухлый бурелом. Машины выстроились полукругом с зажженными фарами. Люди выходили

в морозящую ночь, ежились.

– Как романтично, блин... – выразил общее мнение лейтенант Корочкин.

– Копайте, чего вы ждете! – взвизгнул полковник Власюк, примчавшийся во главе колонны на белом «Мерседесе».

Копали местные «копатели», недовольные, что их подняли в неурочное время. Место «захоронения» вычислили быстро – «террорист» не обманул. Обнажился деревянный ящик, не подающий признаков жизни. Его обкапывали, чтобы встать рядом. Затем отрывали доски, извлекали тело, измазанное фекалиями и издающее острый аммиачный запах. Когда майора подняли на поверхность, люди ахнули и в страхе попятились перед новоявленным мертвецом. Жесткий «ерш» на голове майора был полностью седой. Он не понимал, где находится и почему. Лицо исказилось, напомидало восковую маску. Мертвецки бледный, в глазах бесился сумасшедший огонь – они блуждали, ни на ком конкретно не останавливаясь. Что-то мямлил, но его никто не понимал, зубы стучали. Это был не человек – растение. Майор внезапно дернулся, завертел головой и что-то замычал, когда его попытались поставить на ноги. Потом начал вырываться, порывался куда-то пойти на подгибающихся ногах, но его держали. Из кареты «Скорой помощи» уже бежали двое с носилками.

– Мертвец... – украдкой крестились оперативники. – Натуральный мертвец...

– Да нет, скорее зомби...

– Черт возьми, это пипец... – бормотал потрясенный Корочкин. – Был опытный – стал подопытный... У Глеба Кирилловича острое психическое расстройство... Крыша у человека съехала...

Люди ошарашенно молчали – даже полковник Власюк проглотил от ужаса язык. Каждый в эту минуту почувствовал, что на месте Огульнова мог оказаться он сам. И никто не видел, как из-за белого «Мерседеса» появилась фигура, пристроилась поближе и начала снимать на компактную видеокамеру...

Суббота, 8 октября

Неприметная «Тойота» вывернула из-за угла, проехала под фонарем и приткнулась к тротуару в темной зоне. Водитель отстегнул ремень и принялся воровато озираться. Сердце колотилось, он сильно переживал. Но развернуться и уехать не мог – природа звала. Терзаться нечего, все в порядке, схема отработана, а количество посвященных – минимально. Но каждый раз перед тем, как это сделать, он чувствовал сильное волнение, граничащее с паникой, – не дай бог...

Мужчина находился в окраинном районе Левобережья. Вздумавшийся асфальт проезжей части обрамляли чахлые кусты, прямо по курсу просматривался длинный бетонный забор. Фонари горели через раз. Прохожих не было, машины уже не ездили – в этом районе лишь частный сектор и несколько промышленных предприятий. И кое-что еще... Часы на приборной панели показывали начало двенадцатого. Кончился дождь, но в воздухе висела плотная влажная дымка. Убедившись, что все в порядке, мужчина тронулся с места, проехал вдоль забора, свернул в переулок и через пару минут протащился мимо стоящей в крохотном садике облупленной двухэтажки. Лампочка на входе не горела, но он прекрасно знал, что там висит табличка с надписью: «Детский дом № 8».

Он еще не выжил из ума, чтобы маршировать через парадный ход. Добрался до проулка, свернул под облетевшую акацию, преодолел метров семьдесят, снова свернул и подъехал к задней двери. Здесь тоже громоздились кусты и, как назло, горел фонарь. Он выбрался из машины, неприязненно покосившись на источник освещения, вынул сотовый телефон и отправил заранее заготовленное послание с одним словом. Мужчина нервничал. Он был высокий, имел представительную внешность, несмотря на некоторую рыхлость. Лысина в центре прически его не портила, а внушительная нижняя челюсть, почти переходящая в плечи, только добавляла солидности. Одет был неброско – куртка средней паршивости, мешковатые брюки. Камуфляж по случаю – не тащиться же сюда на «Кайене» в плаще от Гуччи... Он спохватился, вытащил из машины шапочку, натянул на уши, поднял воротник и, не переставая озираться, засеменил к двери.

Стучаться не пришлось. Едва он поднялся по скрипучим ступеням, как дверь отомкнулась, и из мрака выскользнула женщина – она держала что-то на руках, завернутое в одеяло.

– Ох, подведете вы меня под монастырь, Павел Максимович... – прошептала она, передавая мужчине свою ношу. Он принял ее с бешено колотящимся сердцем, бережно обнял, прижал к себе.

– Не волнуйтесь, Зинаида Осиповна... Все будет в порядке, уж не в первый раз, поди... Надеюсь, вам понравилась переведенная на ваш счет сумма?

– Сумма-то понравилась, Павел Максимович, но мы должны быть осторожны, это вам не шутки шутить... Мальчику пять лет, зовут Коленька, глухонемой от рождения. Я дала ему снотворное, он крепко спит. Условия жесткие, Павел Максимович, вы должны вернуть малыша не позднее пяти утра – пока не рассветет. Я буду дежурить всю ночь с тяжелым сердцем, сделаю все, чтобы посторонние его отсутствие не заметили. И чтобы он... ну, вы понимаете...

– Разумеется, Зинаида Осиповна, разумеется... мы же не звери какие-нибудь... и конспирации обучены... – мужчина волновался, и присутствие вьедливой женщины его тяготило. Он повернулся спиной и засеменил к машине, бережно сжимая сопящий комочек. Женщина посмотрела ему вслед, тяжело вздохнула и закрыла дверь.

Мужчина положил ребенка на заднее сиденье, развернул одеяло, изнывая от сладких предчувствий. Всматривался в кукольные черты – посапывающий носик, пухлые губки, щечки, русые волосики, торчащие из-под шапочки. И чуть не замурлыкал от умиления, расплылся в блаженной улыбке, сердце застучало в предчувствии сладостного события...

Он спохватился – надо ехать. Имеется в предместье проверенный мотель, где не задают лишних вопросов. Закрыв заднюю дверь, подошел к передней... и даже не заметил, как подсекли ногу! Тень метнулась от кустов. Земля убежала из-под ног, мужчина ахнуть не успел, изобразил неуклюжую спираль и, не споря с законами физики, грохнулся оземь.

Пещерный ужас обуял, тяжелое колено сдавило грудь, он захрипел.

– Не нервничайте, Павел Максимович, все хорошо... – различил он вкрадчивый мужской голос.

Да чего уж тут хорошего? Игла вонзилась под кожу, и Павел Максимович взревел, как трубный пароход, забил конечностями, пена потекла с губ. Дрожь в теле помаленьку затихала.

– Живой? – осведомился женский голос.

– Почему бы нет? – отозвался мужчина. – Они от этого не умирают... к сожалению.

– Хреново, что живой, – со вздохом согласилась женщина.

Он болтался на стене в каком-то гараже – рядом с лысыми покрышками, стеллажом, забитым пустыми емкостями из-под автомобильного масла, разбитыми подшипниками, инструментами. Абсолютно голый, горло сжимал тугой ошейник, прикрепленный к крюку на стене. Дышать было трудно, но он не умирал, помимо ошейника его поддерживали ремни, пропущенные под мышками – в противном случае он давно бы дал дуба. Мужчина очнулся и сразу начал извиваться, как червяк на крючке, задергал конечностями, начал театрально закатывать глаза. Масса у Павла Максимовича была приличной, тянула к полу, но до пола его ноги не доставали каких-то сантиметров. Он вспомнил, что предшествовало подвешиванию, и чуть не захлебнулся от пронзительного страха. Потом постиг, что голый, и начал машинально

сооружать фиговый листок из скрещенных ладоней, что со стороны смотрелось глупо, поскольку было неэффективно.

Вспыхнули два мощных фонаря напротив, осветив подвешенную «мясную тушу». Включилось что-то еще – невидимое в темноте, но снабженное красноватым глазком. Павел Максимович хрипел, пытался выгибаться, пот потек со лба, слезы из глаз, сопли из носа, слюни изо рта...

– Коллега, вас не смущает, что это туловище висит... «о натюрель», так сказать? Вас не шокируют его... кхм, причиндалы? – прозвучал из темноты исполненный сарказма мужской голос.

– О нет, коллега, все в порядке, – отозвалась женщина. – Я подозревала, что у данного туловища должно иметься нечто подобное – поскольку в некотором роде оно мужское. А то, что мы видим, – никакие не причиндалы, так, ничего.

– Ну и ладно, – успокоился мужчина, – Павел Максимович, как ваше «ничего»? Судя по приветственным движениям и исходящим звукам, вы уже пришли в себя? Здравствуйте. Как вы себя чувствуете?

– Что это?... – с усилием выдавил из себя подвешенный мужчина. – Какого черта?..

– Кстати, забыли вам сказать, – вспомнила женщина, – теперь вы можете смело начинать нервничать.

– Что вы собираетесь делать?... – прохрипел Павел Максимович. Ему с трудом удавалось разглядеть что-либо – ошейник давил под горло и подбородок норовил задраться.

– Думаю, вам удобно, – сказал мужчина. – А теперь, внимание, вопрос. По сговору с директором детского дома номер восемь Волынцевой Зинаидой Осиповной вы забрали из детского учреждения на несколько часов малолетнего воспитанника с целью – а). Совершить с ним насильственные действия сексуального характера, б). Осчастливить, в). Затрудняюсь ответить. Сколько времени вам нужно для обдумывания ответа?

– Послушайте, это совсем не то, что вы подумали... – стоял подвешенный.

– Какая оригинальная фраза, – восхитился мужчина.

– И второй вопрос, – сказала женщина. – Вы предпочитаете мальчика? Девочку? Или можно лошадку?

– Снимите меня, я все объясню. Зачем вы это спрашиваете?

– Успокойтесь, Павел Максимович, это не соцопрос, – сказал мужчина. – Это минута вашей славы, можно сказать. Уже буквально завтра дискуссионное видео с вашим участием увидят миллионы зрителей по стране и земному шару. Вы рады?

Голова превращалась в раскаленный чугунный шар. Он отвесил челюсть и открыл рот, чтобы из него выходил жар.

– Вам нехорошо? – участливо спросил мужчина.

– У меня давление... – простонал пленник.

– Сбросим лопатой? – предложила женщина.

– Что же вы творите, ироды... – вновь задергался Павел

Максимович. – Как вам не совестно! Да вы хоть знаете, кто я такой?!

– Обидно, – сказал мужчина. – Мы думали, вы оцените наш тонкий юмор. Кстати, коллега, обратите внимание, у Павла Максимовича такие вдумчивые и выразительные глаза, когда он чем-то расстроен. Но не будем интриговать зрителей. На монолог от первого лица рассчитывать не приходится. Итак, перед нами Павел Максимович Новогорский, руководитель администрации Ленинского района нашего города. Сорок восемь лет. Опытный функционер, искушенный аппаратчик и, разумеется, член партии, находящейся у власти. Под чутким руководством Павла Максимовича самый крупный городской район стремительно развивается, вводятся в строй тысячи квадратных метров жилья, ремонтируются дороги, сносятся старые бараки, искореняется преступность, растет благосостояние – в первую очередь пенсионеров, и очень быстро сокращаются очереди в детские сады. Мы не будем сегодня касаться его профессиональной деятельности, хотя сказать можно многое. И о взятках, которые Павел Максимович якобы не берет, и о сделках администрации с коммерческими компаниями, чьи руководители и акционеры являются родственниками господина Новогорского, – речь в данном случае идет о крупных расходах на приобретение земли, недвижимости, транспортных средств и ценных бумаг. Мы не будем упоминать о хищениях в крупной строительной компании, которую курирует

его брат, ни словом не обмолвимся о двух двухуровневых квартирах в новом жилом комплексе на Военной горке, владельцем которых посредством «взаимозачетов» с неким чиновником из городского жилищного департамента стал Павел Максимович Новогорский. Нас нисколько не волнует автомобиль «Майбах-57S», прозябающий в гараже у Павла Максимовича, нам до лампочки, на какие деньги возводится особняк в Морском совхозе и сколько миллионов долларов наш фигурант заработал на незаконной сделке с китайскими бизнесменами, собирающимися возводить в районе свой «национальный» рынок. Конечно же, нам плевать на ставшие традицией липовые аукционы, на которых городская недвижимость распродается за смехотворные деньги родственникам и подельникам Павла Максимовича. А не волнует нас это потому, что все должностные преступления господина Новогорского меркнут перед его преступлениями на сексуальной почве.

– О нет... – простонал чиновник. – Я никогда... это неправда... Я порядочный человек, спросите у любого...

– Вы не порядочный, – отрезала женщина. – А «выделения порядочности», о которых вы, должно быть, говорите, случаются у вас в критические дни и нисколько не умаляют вашу сущность нехорошего человека.

– Вы гнусный педофил, Павел Максимович. Пятнадцать лет назад, когда вы были мелким функционером в отделе молодежной политики, на вас пытались завести уголовное де-

ло за совращение малолетнего. Поймали на горячем. Но случилось что-то странное: мать пострадавшей девочки забрала заявление, а следователь заболел склерозом. С тех пор вы стали осторожнее. Завели семью, сделались респектабельным, и больше ничто не напоминало о конфузе девяносто шестого года. Вы не рыщете вечерами по темным аллеям с целью найти объект для удовлетворения своей порочной страсти, а действуете умнее. Риск остается, но риск разумный. Последние годы вы сотрудничаете с госпожой Волинцевой – директором детдома номер восемь. У женщины безупречная репутация, а страсть к деньгам и моральную нечистоплотность удастся скрывать. Сколько раз за последний год вы посещали это заведение? По нашим приблизительным подсчетам, раз восемь, не так ли? Зинаида Осиповна берет дежурство, отпускает под благовидными предложениями нянечек и воспитателей... Выбранный ребенок не понимает, что с ним происходит, тем более что к боли детдомовцы привыкли с пеленок. А сегодня очень хорошо все складывалось – мальчик с рождения глух и нем, пожаловаться не сможет, ваша жена уехала в санаторий, завтра выходной, на работу бежать не надо, охрану отпустили... Что вы знаете о Боге, Павел Максимович?

Чиновник от неожиданности как-то странно дернулся и машинально прикрыл руками промежность. Женщина презрительно засмеялась.

– Стыдно, Павел Максимович? – спросил мужчина. –

Да бросьте вы, какие проблемы? Стыдно только денег не иметь – так выражаются в ваших кругах? В детдоме тишь да гладь, детишки запуганы, но процесс воспитания поставлен так, что никто не жалуется. А если из персонала кто-то и в курсе, то благоразумно помалкивает, поскольку в бизнесе большие люди и кара последует незамедлительно. Имеется подозрение, что, кроме вас, богоугодное заведение посещают и другие лица, имеющие отношение к властным структурам, – их немного, но они есть, и на хлеб с икрой Зинаиде Осиповне в преддверии Великой депрессии хватит. Но речь в данном случае не о них – они свое получают. И как жена вас терпит, Павел Максимович? В постели вы никакой, секс с женщиной – омерзителен, у вас иное предназначение. Почему вы, кстати, не спрашиваете о ребенке, которого сегодня подкинула Зинаида Осиповна? Вас не беспокоит, что он остался без присмотра, где-то замерзает, плачет, может умереть?..

– Конечно, меня это беспокоит... – выдавил чиновник и будто смутился, хрипло закашлялся. – Не понимаю, о чем вы говорите...

– Попались, – обрадовался мужчина. – Да ладно, все и так понятно. Ребенок в безопасности: спит в теплой машине, естественно не в вашей. Проснется там же, где уснул. Момент вашего прибытия в детдом зафиксирован видеокамерой, видно, как вы подходите к крыльцу, как женщина передает вам ребенка, как кладете его в машину. Для суда не ос-

нование, но зачем широкой здравомыслящей общественности продажный суд? НАШЕМУ суду все ясно.

– Какому еще ВАШЕМУ суду? – простонал чиновник. – Что вы собираетесь со мной делать?

– Вы готовы признаться, что хотели надругаться над малышом?

– О господи... конечно, нет... Я никогда... это не то, что вы думаете... у меня свой кодекс чести... Я бы никогда не позволил себе что-то грубое и необратимое... О боже, отвяжите меня... дайте мне уйти, я никому не расскажу...

– Подташнивает что-то, – призналась женщина.

– Держитесь, коллега. Мы только вошли в этот мир зловония.

– Что вы хотите со мной сделать?... – изнемогал чиновник.

– Поначалу мы хотели вас расстрелять, – простодушно отозвался злоумышленник. – То есть насмерть, навсегда. «Я стреляю, и нет справедливости справедливее пули моей». Михаил Светлов. Вы не любитель поэзии, нет? Согласитесь, Павел Максимович, что вы этого заслуживаете. Мир станет добрее и чище. Потом мы решили, что смертный приговор – это преступный гуманизм с нашей стороны. Вы умрете, потом возродитесь в саванне баобабом и будете атмосферу загрязнять. Тогда мы приняли решение нанести вам травмы... хм, различной степени тяжести. Но отказались и от этого – мелко. Идеальное решение предложила моя коллега, и я с ней с радостью согласился. Очень просто и действенно.

Готовы, Павел Максимович? Сейчас мы вас приятно удивим.

И охваченный ужасом чиновник обнаружил, что свет фонарей приближается, делается резче, ослепительнее, а в пространстве что-то шевелится, набухает... Чиновник тоскливо и монотонно завыл, испортив воздух.

– Надеюсь, вы поняли, Павел Максимович, – сообщило пространство мужским голосом. – Наш приговор: кастрация. Нам очень жаль, но со стерильностью и обезболиванием в гараже проблемы, поэтому вам лучше потерпеть и помолиться. *Dura Lex Set Lex*, Павел Максимович, то есть «закон суров, но это закон». Впрочем, вам предоставляется последнее слово.

Чиновник не мог ничего говорить! Слова застряли словно ком в горле, обезумевший чиновник издавал какие-то бесвязные хрипы, брызгал слезами, вертелся, как пескарь на сковороде. А двое приближались, раздался ржавый металлический звук – подобный звуку давно не используемых ножиц!

– Не хочу я к нему прикасаться, – прошептала женщина. – Меня реально стошнит.

– Забыла про ухваты, дорогая? – откликнулся мужчина. – Эти штуки справа, на стеллаже. Прижми ему ноги и держи.

Чиновник почувствовал, что уже не может дергать ногами, их прижали к стене. И снова этот чертов корябающий звук, металл прижался к волосатому животу, пополз вниз... Он издал берущий за душу вопль умирающего лебедя и по-

терял сознание.

В популярном ночном клубе «Гусь, свинья и товарищи» вблизи площади имени К. Маркса, невзирая на позднее время, было шумно и многолюдно. Известная фирма, занимающаяся поставками и сбытом информационных технологий, отмечала десятилетие своего безбедного существования. Текила и коктейли лились рекой, публика веселилась на широкую ногу. Взрывы хохота и многоголосый гул сотрясали пространство. Практически все столики были заняты, народ толпился у бара. Гремела клубная музыка – такое ощущение, что у исполнителей сгорели все инструменты, остались барабаны и синтезатор, а в голове – две ноты. Но это никого не волновало – на танцполе, в дыму и чехарде огней дружно скакали несколько десятков человек – и стар и млад. Пару минут назад перед публикой пытался выступить приглашенный аниматор, но инициатива не нашла поддержки – прыгать в мешках и прятать под одеждой засушенную рыбу-еж желающих не нашлось. Народ предпочитал стихийное веселье. А если развлекаться «со стороны» – то как-то нестандартно и желательно непристойно, поскольку градус веселья был уже на высоте.

Как раз в разгар самого веселья музыку внезапно приглушили, и задорный голос проорал в динамик:

– Господа, я умоляю вас, освободите, если вам не сложно, центральное место на танцполе! Ну, господа... Наш уважаемый аниматор желает реабилитироваться и обещает неза-

бываемый номер! А ну, брысь из центра окружности, кому сказано!

Публика взревела, и, хотя никто ничего не понял, толпа схлынула, люди сместились к краю танцпола. Включился невидимый механизм, красиво и эффектно приподнялась и отъехала крышка люка, утопленная в пол, заработал подъемник. Эта штука была уникальна, директор клуба весьма гордился своим приспособлением, которого ни у кого больше не было – его придумал один из его помощников. Отличная вещь: например, в разгар корпоративной вечеринки поднять из ниоткуда босса фирмы, который сказал, что не придет; или на мальчишнике перед свадьбой доставить разгоряченной публике парочку-другую полуобнаженных симпатичных див...

Сегодня не было ни босса, ни девчонок. Босс присутствовал в зале, девчонок хватало и своих. Переливающийся огнями подъемник доставил на поверхность абсолютно голого мужчину, лысина у которого была чем-то натерта, светилась, словно лампа, а волосы вокруг нее торчали дыбом, как колючки у дикобраза. Он сидел на корточках, словно собачка, готовая броситься, рот его был раскрыт, язык торчал наружу, глаза безумно блуждали. На лбу у «дикаря» светилось: «Я – педофил». Мужчина затравленно вертел головой, лоснящуюся физиономию увечила гримаса. Поначалу никто ничего не понял, затем минута молчания сменилась диким хохотом! Люди ржали и тыкали в фигуру пальцами. Хрен

его знает, что такое, но смешно. Вроде объекта арт-искусства – непонятно, но здорово! А когда фигура подпрыгнула, зажав причинное место, и принялась метаться по танцполу, надрывно вереща, пьяная публика начала аплодировать и кричать «Браво!». Многие тут же кинулись снимать на сотовые телефоны. Признаков кастрации у господина не было, но к тому самому месту были привязаны веревки, на концах которых гремели консервные банки – вроде того как мальчишки когда-то измывались над кошками (хотя и сейчас, возможно, измываются). Господин был явно не в себе. Сообразив, что вокруг него люди, он рухнул на колени, завыл. Потом вскочил и, смешно подбрасывая ноги, кинулся на толпу, надеясь вырваться из окружения. Сбил какую-то девушку в короткой юбке, и стоявшему рядом кавалеру это не понравилось – он возопил и подошвой ботинка (чтобы руки не пачкать) швырнул бедолагу обратно на танцпол. Тот носился кругами, не соображая, где находится и как себя вести.

– Вашу дивизию... – потрясенно пробормотал руководитель празднующей организации – статный тридцатисемилетний мужчина с безупречной стрижкой и в элегантном костюме. – Да это же глава нашей районной администрации господин Новогорский... Ей-богу, Новогорский... Павел Максимович... Какого черта...

Руководителя схватила под локоть главный бухгалтер организации – симпатичная сорокалетняя женщина. До того

как стряслось «недоразумение», женщина танцевала с шефом и всячески старалась понравиться – невзирая на наличие у него молодой жены и двухлетнего карапуза. Она отчаянно зашептала ему на ухо:

– Юрий Федорович, я сама все прекрасно вижу, это Новогорский – собственной персоной. Делайте вид, что вы его не узнали, так будет лучше – уж поверьте моей женской интуиции... Мы не имеем к этому отношения, мы ни в чем не виноваты, сделайте все возможное, чтобы праздник продолжался...

А голый мужчина, устав метаться, сжался и горько заплакал. Разгоряченная публика начала догадываться, что что-то здесь не так. Ударила музыка на всю катушку. Плавно опустился подъемник, вернулась на место и улеглась в пазы крышка люка. Прибежали двое охранников в черном, набросили на мужчину длинную куртку и поволокли из зала. Люди провожали их глазами и снова выходили на танцпол. Пусть как-то коряво, но «анимация» удалась...

– Не трогайте меня, я руководитель Ленинской администрации! – визжал, вырываясь, мужчина, когда его проволокли по коридору и швырнули в комнату охраны.

– А я губернатор, – невозмутимо поведал охранник и отвесил чиновнику оплеуху.

– А я мэр, – сказал второй и треснул Новогорского кулаком в зубы.

– А я представитель президента в федеральном округе, –

отвернулся от работающих мониторов третий, встал с вращающегося стула и пинком по заднице спровадил чиновника в угол. – Вот там и сиди, дружище. Слушайте, мужики, – он задумчиво почесал затылок, – мы, конечно, не отвечаем за действия экстравагантных устроителей этого безумия, но как это чучело проникло в здание и оказалось на подъемнике? Давайте подумаем?

Дежурный наряд полиции, благодаря «тревожной кнопке», прибыл через две минуты. Трое служивых в полной амуниции протопали по коридору в комнату охраны.

– Ну, чего тут в вашем монастыре? – прогудел сержант, удивленно разглядывая скорчившееся в углу тело с выразительной надписью на лбу. Чиновника трясло, он икал и не мог ничего сказать в свою защиту, лишь стучал зубами и исторгал что-то похожее на рычание. – Ну, ни хрена себе посетители у вас... – изумленно протянул сержант и покачал головой. – В натуре, мужики, сумасшедших тянет к сумасшедшему дому... Кто такой – не выясняли? – покосился он на охранника.

– Руководитель Ленинской администрации, – оскалился тот.

– Понятно, – вздохнул сержант. – А я Генеральный секретарь, можно?

– А я Абрамович, – встрепенулся его коллега. – С такой зарплатой им точно скоро стану.

– Ну, не знаю, мужики, не знаю... – проговорил третий

патрульный, осторожно оторвался от проема и на цыпочках вошел в комнату. – Мне кажется, это чувырло и впрямь похоже на главу района...

– Ну, ты и загнул, – ухмыльнулся начальник патруля. – Глава района – мужик серьезный, некогда ему с ума сходить. Хватайте этого психа, парни, и в «бобик». В психушку повезем, куда еще? Пусть разбираются. Он не кусается у вас случайно? – патрульный опасливо покосился на вибрирующее туловище.

Женщина встревоженно посмотрела на часы – начало шестого. Где этот тип? Ведь договаривались не позднее пяти! Пора заканчивать с таким бизнесом, нервный срыв не за горами, скоро спать совсем разучится. Муж уже опасливо косячится, и сын неудобные вопросы задает. Она поежилась – отопление включили, но как-то не грело. В скромно обставленном кабинете было тихо и неуютно. Лампа на столе рассыпала рассеянный свет. Из полумрака проступала висящая на стене репродукция «Утро в сосновом бору», заделанная в солидную рамку, благодарственное письмо от Комитета матерей, почетная грамота «за многолетний труд и плодотворную работу» от Департамента по социальной политике мэрии, грамота от Областного центра помощи детям, оставшимся без попечения родителей. Несколько минут назад она прошла по помещениям, все проверила, вроде порядок, дети спят, подозрительных звонков не отмечалось... Где же этот гнусный тип?

«Надо поесть!» – подумала женщина. Во время еды человек успокаивается. Она поднялась и подошла к шкафу, включила чайник, настороженно покосившись в зеркало. Из полумрака на нее смотрела худая пятидесятилетняя особа с некогда привлекательным лицом и собранными в пучок волосами. Лоб «незнакомки» пересекали три глубокие продольные морщины. Нет, не успокоиться ей в этой жизни, раз уж ступила однажды на скользкую дорожку...

Она намазала на хлеб масло, сверху – икру, плеснула чай в кружку и вернулась за рабочий стол. Но легче не становилось, минутная стрелка на часах все дальше отползала от цифры «двенадцать». Женщина достала колоду карт, принялась раскладывать пасьянс – верное средство успокоиться...

В дверь вкрадчиво постучали. Она уронила карту и недоенный бутерброд, который отрикошетил от столешницы и упал, как водится, маслом и икрой вниз. Но первый страх прошел, она облегченно перевела дыхание, выскользнула из-за стола и бросилась к двери. И уже отпирая защелку, кольнула мысль: вроде SMS должен был прислать. Входная дверь-то ведь закрыта! Но поздно опомнилась, да и что бы это изменило? Она распахнула дверь... и попятилась. В глазах померкло, дыхание перехватило. Ей в грудь упирался ствол пистолета, на который был накручен глушитель! Она отступала, чувствуя, как тиски сжимают грудь, уперлась в стол. В кабинет бесшумно вторглись двое вооруженных субъектов в серых мешковатых одеждах. Один повыше, другой пониже.

Мужчина и женщина – определила она мгновенно, на глазок – невзирая на то, что головы их закрывали шапочки-маски с прорезями. Оба подняли пистолеты, и женщина присела от страха. Рука оторвалась от столешницы, принялась осеять свою хозяйку крестным знамением.

– Странно, при чем тут Бог? – пожала плечами женщина в маске, закрыла дверь и прислонилась к стене, не опуская пистолет.

– Как мило, – усмехнулся мужчина. У него были безжалостные колючие глаза. – Карты, деньги, два ствола... Ведь дело в деньгах, Зинаида Осиповна? Признайтесь, сколько вам платят за один, скажем так... эпизод? И перестаньте, ради бога, креститься. Вы делаете это как католичка – слева направо. А нужно справа налево. Вы не верите ни в какого бога и ни разу в жизни не ходили в церковь.

– Мы тоже не ходили, – тихо сказала налетчица.

– Да, мы атеисты, – согласился спутник. – Но это не мешает нам располагать моральным кодексом и иметь простую человеческую порядочность. Всю жизнь не мог понять, какое отношение к Богу имеют совесть и прочие моральные категории. Они либо есть, либо их нет, и хоть ты лоб разбей.

– Я не понимаю... – прошептала Зинаида Осиповна. Ее лицо сковала судорога, чувствовалось, как оттекает кровь.

– Держу пари, что это не так, – сказал мужчина и сделал знак своей спутнице. Она опустила пистолет, развернула к себе висящую за спиной сумку, извлекла из нее видеока-

меру, открыла видеоискатель и приготовилась к съемке.

– Что вы делаете? – прошептала женщина.

– Долго объяснять. Скоро сами поймете. И не смотрите так – у нас иммунитет к магии. Рискуете лопнуть, Зинаида Осиповна. Коллега, вы готовы? Поехали.

Налетчица включила камеру. Мужчина прогулялся до ближайшего стула, взял его и подтолкнул к женщине.

– Присядьте, Зинаида Осиповна, в ногах правды нет. Ее нигде нет, но в ногах наверняка. Постарайтесь не бросаться на человека с пистолетом, не вздумайте бежать и, ради святого, не орите. В округе нет никого, кто выразил бы вам сочувствие, только детей разбудите. Если будете вести себя неадекватно, нам придется вас связать, а потом по законам шариата и всем другим замечательным законам... Садитесь, садитесь, этот стул пока не электрический.

Женщина покорно села, положила руки на колени. Она уже все поняла. Но еще не смирилась...

– Итак, подсудимая, – сказал мужчина, – будем отпираться и не краснеть? Человек, которому вы оказали услугу, получил то, что заслужил, – хотя и остался жив. Мы не плотоядные. Мы вполне травоядные животные, пока нас не разозлить. О том, что с ним случилось, вы можете узнать уже завтра – из Всемирной сети.

– Что с Коленькой? – пробормотала, покрываясь ядовитыми пятнами, Зинаида Осиповна.

– С Коленькой все в порядке, он уже спит в своей кро-

вати, – уверил мужчина. – Он, собственно, и не просыпался. Спасибо, что спросили. Итак, мы представляем нашим зрителям очередного участника шоу уродов. На сей раз участница. Волынцева Зинаида Осиповна, директор детдома номер восемь, Заслуженный работник Российской Федерации, опытный наставник и воспитатель, человек с большим неравнодушным сердцем и высокоразвитым чувством ответственности. Трудно представить в нашей системе дошкольных учреждений другого человека, который бы так сильно любил детей...

Женщина окаменела. Трансформация произошла внезапно. Рухнуло все, на чем держался ее шаткий мир.

– Но вот досада, высокопоставленные педофилы забирают у нее малышей – «во временное пользование», и наша Зинаида Осиповна не в силах им отказать. Но мы понимаем, как при этом плачет и сопротивляется ее израненная изуверами душа. Оплата за услуги позволяет компенсировать моральный ущерб. Вы не ответили на вопрос: сколько вам заплатил Новогорский?

Женщина молчала.

– Думаю, в пределах сорока-пятидесяти тысяч рублей, – предположил мужчина. – Для Павла Максимовича пустяк, а для Зинаиды Осиповны – солидная прибавка к казенному жалованью. Случай не единичный, прибыльная коммерция поставлена на поток. И совесть уже не мучает, верно, Зинаида Осиповна? От детишек ведь не убудет, кому нуж-

ны эти сырые и убогие человеческие детеныши? Но страшно, а страшные сказки иногда становятся былью – что мы и наблюдаем в данный момент. Будем считать, что лавочка закрыта. Навсегда.

– Не делайте этого, пожалуйста... – прошептала сникшая женщина. – Я все осознала, этого больше не повторится...

– Вы думаете, мы предпримем в вашем отношении репрессивные меры? – усмехнулся мужчина. – Соблазн велик, не спорю. Но зачем? Мы не воюем с женщинами, каким бы злом они ни являлись. Имеются в виду кровопролитные сражения. Но наказать мы вас обязаны. Знаете, что мы с вами сделаем? НИЧЕГО. Гуляйте на все четыре стороны. Только выложим в Интернет видео, которое сейчас снимается. В компании с роликом, где главная роль досталась Павлу Максимовичу, возникает картина, на которую правоохранительные органы не смогут не отреагировать. Во всяком случае, они обязаны сделать вид, что проводят проверку. Вы тоже должны отреагировать, Зинаида Осиповна.

– Как? – еле слышно произнесла женщина.

– В суицидальной форме, – фыркнула сообщница.

– Моя коллега преувеличивает, – успокоил мужчина. – Впрочем, дело хозяйское. Время у вас – примерно до обеда. После этого вас скорее всего арестуют. Если люди, которые, помимо Павла Максимовича, навещали этот дом, обладают достаточным влиянием, вас постараются ликвидировать в камере – вы должны об этом знать. Поэтому лучше пой-

ти самой – в прокуратуру или ФСБ – и во всем признаться. Последний вариант предпочтительнее. Имеется еще один – сбежать подальше. Но, между нами говоря, не вариант. У вас ни опыта, ни сноровки. Поймают – получите больше. Приуныли вы что-то, Зинаида Осиповна, стоит ли так расстраиваться? Ведь у вас роскошный выбор: сдаться, сбежать, покончить жизнь самоубийством! А у детей, которых вы уродуете, выбора нет...

– Кто вы? – женщина подняла бледное, как простыня, лицо.

– Не скажем, – покачал головой мужчина. – Мы бескорыстные мстители, наводящие порядок в несчастной стране. Нет смысла предлагать нам деньги и недвижимость в Швейцарии. Всего вам доброго, Зинаида Осиповна. Вызывайте своих сотрудниц, а сами езжайте домой. Закончилась ваша всенощная. Навестите церковь, замолите грехи – и с богом...

Двое выскользнули из кабинета, и только что-то покатилось, позвякивая, к дрожащим ногам женщины. Она всмотрелась. На полу лежала пятирублевая монета. Зачем бросили? Чтобы вернуться?.. Тотальная тоска сдавила горло. Женщина метнулась к телефону, чтобы немедленно вызвать полицию, пусть объявляют перехват или что там у них? Но застыла с трубкой в руке. Как объяснять-то будет? Лживые наветы? Вот черт... Она свалилась обратно на стул и заревела в полный бабий голос – как профессиональная плакальщица на похоронах...

Высокий благообразный мужчина с ярко выраженным носом, одетый в байковый халат, сидел, развалившись, на диване в просторной гостиной и потягивал пиво из горлышка. Был вечер выходного дня. Одиннадцать часов, пора спать. Его не покидала мысль о том, что страшно не хотелось на работу – снова кем-то руководить, печься о благосостоянии граждан. Вспомнилось, как на первом курсе в техническом вузе он с друзьями прогуливал лекции, а бывало, по несколько дней не появлялся на занятиях. И вроде все законно – бежишь спозаранку на станцию переливания крови, сдаешь свои кровные пол-литра, взамен получаешь печенюшку с чашкой чая, какую-то мелкую денежку и справку-освобождение на три дня, которой радовались, как дети.

Эх, время было... А сейчас попробуй не приди на работу – мигом телефон оборвут. Вздохнув, он потянулся за пультом к журнальному столику. Выплеснулось пиво из бутылки – вот черт, придется тапки надевать, ведь домработница только утром придет.

По рекордно плоскому телевизору показывали какую-то ерунду, он переключился на новости. Слушал в полудреме, прикрыв глаза, как «тень президента РФ» снова выступает в присутственном месте, требует что-то сделать, навести порядок в отрасли, а по выполнении доложить. Молодец, неплохо исполняет роль Президента России. Снова что-то взрывалось на Ближнем Востоке, в заключение – рубрика «Примерно о погоде». Особых ужасов не предрекали, дожд-

ливо, тепло, погода в этот год в Сибири какая-то не «октябрьская»...

Ящик незатейливо бубнил, телезритель сладко подремывал. Вздрогнул, когда за спиной открылась дверь из спальни, прошлепали тапки – супруга Ольга Вениаминовна проследовала в туалет. По-хорошему, ему тоже следовало отправиться в спальню, но он не спешил. Ольга Вениаминовна вчера взбрыкнула в сердцах: мол, краткость, конечно, сестра таланта, но не в интимных отношениях. Не может ли он в этой связи как-то пересмотреть свое поведение в постели? А если трудно, то почему бы не сходить к врачу? Обидела, в общем, человека, который старался.

Выпитому пиву на месте не сиделось, и возникло стойкое желание навестить уборную. Притяжение дивана было агрессивно, но он преодолел его, сунул ноги в тапки, доковылял до туалета, расположенного в задней части гостиной – между спальней и лестницей на второй этаж (квартира в доме на Депутатской была довольно скромной, всего 260 «квадратов»), попытался проникнуть внутрь. Дверь оказалась запертой.

– Дорогая, ты еще здесь? – расстроился он.

– Здесь, дорогой, – отозвалась жена.

– Не пустишь?

– Не пущу, Викентий, – с натугой отозвалась Ольга Вениаминовна. – Боюсь, дорогой, этот Боливар не выдержит нас двоих...

У супруги было бесхитростное чувство юмора. Времена-

ми оно бесило. Пришлось дожидаться, пока та покинет помещение. Тащиться в санузел на второй этаж мужчине не хотелось – долог и тернист был путь, всякое могло по дороге случиться. Чтобы легче терпелось, он начал нарезать круги вокруг молодцеватой пальмы в кадучке, подпрыгивал, дул на ладони, бормотал: «Надо меньше пить...»

– Викентий, ты чем там занимаешься? – строго поинтересовалась с горшка Ольга Вениаминовна – у нее был острый слух и меткий глаз.

– Физкультурой, – буркнул он.

– А-а, ну, давай, давай. Лишь бы не рукоблудием... – добавила потише, но мужчина тоже на слух не жаловался. Обидно стало, любой депутата унизить может, даже собственная жена...

Он насилу дождался, пока, мстительно поблескивая глазками, жена удалится из «кабинета», но уединиться не успел – сработало дверное устройство, оповещающее о том, что в квартиру намерен проникнуть посторонний.

– Дорогая, проверь, – взмолился он. – Ей-богу, не могу...

– Странно, кому не спится в ночь глухую? – удивленно пожала плечами Ольга Вениаминовна и покосилась на супруга. – Ладно, подойду.

Она пересекла огромную гостиную, устланную коврами, исчезла в нише.

– Только не открывай кому попало, – напутствовал супруг.

– Я в курсе, – огрызнулась женщина.

Пришлось потерпеть – он стоял перед туалетом, подпрыгивая от нетерпения, ждал новостей из прихожей. Голова раздувалась, как дирижабль. Звонили в дверь, значит, кому-то уже удалось преодолеть «пропускную систему» во дворе, войти в подъезд, который, вообще-то, заперт...

– Это, кажется, Люся, – донесся из ниши утробный голос супруги. – Вот черт, как некстати... Дорогой, ты будешь сердиться, но мне придется впустить. Кажется, у нее опять личные неприятности...

Он чуть не заорал, словно припадочный. Почему такому важному человеку нет покоя ни днем ни ночью? Люсьен – вечное проклятье их семьи! Супруга Лехи Калмыкова, главного налогового инспектора Центрального района. Ну, не любит он жену. Уже пятнадцать лет не любит, а развестись лень, да и невыгодно. Погряз в адюльтерах, и Люся не ангел. Всякий раз, когда он ей изменит или она ему – прилетает вся такая потрясенная, на метле, и плачет. А если метла в ремонте или другие причины, то часами висит на телефоне и повествует о своей неудавшейся жизни, а Ольга Вениаминовна вынуждена все это слушать и выносить мудрые «постановления»... Надо идти в туалет!

Но не успел депутат разогнаться, как супруга отомкнула дверь, и, потеснив ее, в гостиную ворвались двое в масках и с пистолетами. Бескомпромиссные, решительные. Тот, что пониже, схватил ошалевшую Ольгу Вениаминовну за за-

пьястье, а второй выпрыгнул на середину гостиной и наставил на депутата пистолет! Сходил, называется, на горшок. Страх пронзил такой махровый, что на какое-то время он забыл о своем желании отправить на прогулку выпитое пиво.

– Ни с места, Викентий Петрович, – спокойно сообщил налетчик. – Руки на затылок, расставьте ноги и не шевелитесь. Пытайтесь бежать – стреляем в голову. О’кей?

Он так и поступил. Стоял, дрожал, потел, пытался найти в окаменевшей голове хоть какую-то мысль. А между тем второй налетчик, что был пониже и изящнее, поволок Ольгу Вениаминовну через гостиную. Та упиралась и бледнела.

– Викентий, это ограбление... – прохрипела супруга. – Отдай все, что им нужно, господи правый...

– Это не ограбление, Ольга Вениаминовна, – учтивым голосом сообщил налетчик. – Нам не нужны ваши ценности и ваши жизни, не стоит так убиваться. Уж вам, во всяком случае, наверняка ничто не грозит.

– Кто вы? – простонала женщина.

– Мы – съемочная группа. Пришли снимать кино про вашего мальчика.

– О, мой бог... С какого вы канала?

– С Беломорского, – буркнул женским голосом второй злоумышленник, заталкивая перепуганную женщину в туалет. Закрыла дверь и замкнула шпингалет. Критично обзрела увесистую стальную штуковину и повернула голову к своему спутнику: – Знаешь, дорогой, я раньше не могла понять,

зачем на дверях в подобные помещения устанавливают снаружи шпингалеты. Теперь я, кажется, понимаю...

– Откройте дверь, зачем вы меня заперли? – взывала в утробе санузла Ольга Вениаминовна и забилась в дверь. Высадить она ее не могла – дверь была монументальная и запор соответствующий. – Что вам нужно?!

– Женщина, мы вам все объяснили, – тоном кассирши в ЖЭКе сказала налетчица. – Почему вы не понимаете элементарных вещей? Снимается кино, вы будете мешать. Сходите в туалет или помойтесь.

– Я уже ходила в туалет!

– Ну, придумайте что-нибудь, – налетчица не выдержала, рассмеялась. – И прекращайте долбиться в дверь, подумайте о своих руках и нервных клетках.

«Это розыгрыш!» – прозрел депутат, когда ему в грудь уперлись сразу два ствола. Ей-богу, это розыгрыш, и как он сразу не догадался! Недавно коллегу разыграли – из комитета по бюджетной и финансовой политике. В аккурат на день рождения. Ворвались в кабинет в таких же масках и давай грузить: дескать, несколько минут назад вам вручили взятку, мы должны обыскать кабинет! А коллега в этот день не брал никаких взяток – ну, вышло так, и все равно чуть инфаркт не разбил человека на рабочем месте. Потом уже выяснилось, что работали люди по указанию заместителя председателя Заксобрания Китайченко – а у того чувство юмора извращеннее, чем у Ольги Вениаминовны. Натерпелся, в об-

щем, человек в день, который только раз в году.

– Вас кто сюда отправил? – он икнул, сглотнув слюну. – Кажется, я догадываюсь...

– О нет, Викентий Петрович, – даже через маску было видно, как мужчина хищно улыбается. – Это не розыгрыш. Все происходит всерьез и решительным образом.

– Дорогой, а ты уверен, что мы правильно зашли? – женщина обозрела со вкусом декорированную гостиную, вытянула шею, посмотрев на лестницу из черного дерева на второй уровень.

– Вы ошиблись... – пискнул депутат.

– Не может быть, – усмехнулся преступник. – Адрес верен. Фигуранты – Бох Викентий Петрович и Заславская Ольга Вениаминовна. Супруга после бракосочетания фамилию не меняла, в чем нет ничего удивительного, поскольку женщина относительно скромная. Успокойтесь, Викентий Петрович, мы не будем извращаться по поводу вашей фамилии – прекрасно понимаем, что вы ее не выбирали. Все в порядке, дорогая, мы не ошиблись, именно так живут наши слуги. «Богатство в настоящее время – плод воровства и грабежа». Догадайся, кто сказал?

– Ну, допустим, Наполеон, – предположила женщина.

– Ты знала, – расстроился мужчина.

– Чего вы хотите? – мертвеющие от страха губы депутата еле разжимались.

– Пустяк, Викентий Петрович. Бросить тень на вашу ре-

путацию. А ну, пошел на диван! – резко выкрикнул налетчик, и дуло черного пистолета уперлось Викентию Петровичу в грудь.

Тут с обиженным депутатом произошла метаморфоза. Дурь ударила в голову. Он что-то резко крикнул, мотнул головой и помчался, как скаковая лошадь. Собирался, видимо, к двери, но путь перегородила «покусительница» в маске, пришлось сменить направление, он сбил журнальный столик, пропахал ковер и затормозил, ударившись головой о ножку дивана. Концентрические круги завертелись в голове, сознание зашаталось, но устояло. Пока он выбирался из прострации, налетчик поднял его с пола – для чего пришлось попотеть, поскольку депутат был длинный и много ел, крепко затянул ему пояс халата на животе, вытянул рукава – длинные, как у Пьеро, связал их и тоже затянул. Получилось подобие смиренной рубашки. После чего злоумышленник усадил истязуемого на диван и отхлестал по щекам, ускоряя процесс пробуждения.

– Какая деликатная стирка, – восхитилась женщина.

Из туалета доносились жалобные причитания. Сообщник раскрыл небольшую сумку, извлек штатив, установил, сверху закрепил камеру и включил, убедившись, что снимает именно то, что нужно. Предусмотрительно отодвинулся в сторону, чтобы не попасть в кадр. А женщина-налетчица пошла на кухню, отделенную от гостиной перегородкой, совмещенной с барной стойкой, заглядывала в шкафы, хлопала

дверцами холодильников.

– Несчастливые люди, – бормотала она. – Живут где придется, кушают что припрет. Знаешь, дорогой, эти люди слишком много едят.

– В смысле? – не понял мужчина.

– В смысле зажрались. Ты когда-нибудь питался мраморным австралийским мясом по цене от тысячи рублей за килограмм? А здесь таких десять упаковок.

– Из тушканчика, что ли? – не понял мужчина.

– Вы кто такие, вашу мать? – простонал депутат. Он выглядел плачевно – взъерошенный, как-то хитро связанный, весь синий от раздувшегося мочевого пузыря.

– А, очнулись, господин аватар, – обрадовался преступник. – В следующий раз ведите себя прилично. Мы понимаем, что вы крайне экономно наделены от природы умственными качествами, но ведь должна быть какая-то интуиция, верно? Ответ на ваш вопрос, Викентий Петрович, – перед вами представители некогда доминировавшего вида, а подробностей вам знать не стоит. Скажем лишь, что мы довольно долго живем в этом славном городе и давно следим за вашей профессиональной и прочей деятельностью. Вам удобно, нет? У вас ничего не болит, а то вы выглядите как-то... нефотогенично.

– Видно, что ты серьезно беспокоишься о его здоровье, – фыркнула женщина.

Депутат сначала недоверчиво, а потом с растущим ужасом

разглядывал работающую камеру. Начал ерзать, покрываться румяными пятнами поверх синих.

– Что-то не так, Викентий Петрович?

– В туалет хочу... – признался депутат.

– Потерпите. Сожмите волю в кулак и... Если не будете нам мешать, то все закончится очень быстро. С удовольствием представляем новое действующее лицо из политической элиты нашего города. Викентий Петрович Бох, депутат Законодательного собрания, председатель комиссии по взаимодействию с правоохранительными органами и противодействию коррупции. Шесть лет на ответственном посту. Ваш доклад «О преодолении коррупции в Сибирском регионе», зачитанный на предпоследнем заседании, был блестящим, Викентий Петрович. Сразу чувствуется, что писал его человек, не понаслышке знакомый с проблемами, душой и телом болеющий за дело. И это правильно, мы живем в самой коррумпированной стране из крупнейших экономик мира. С этим давно пора что-то делать. Однако источники... гм, близкие к информированным, утверждают, что с вами также не все ладно.

– У меня репутация порядочного человека... – простучал зубами депутат.

– Оттого и спешим ее подмочить. Вы хитры, остро чувствуете опасность, знаете, как избежать ответственности – в отличие от большинства ваших коллег, которые не любят пускать вещи на самотек, а потому воруют сами. Вы дей-

ствуете тоньше – через посредников и подставные фирмы. Но в итоге все тайное становится явным. Вы специалист по хитрым мошенническим комбинациям, Викентий Петрович. Наперсточником не трудились? Кручу-верчу, обмануть хочу... Ваше любимое печатное издание – деньги. Вы знаете, как провести бюджетные средства себе в карман и при этом отлучить от кормушки всех прочих желающих. И это правильно, не дадим другим разворовать Россию. Все равно украдут, какая разница кто? А вор должен сидеть не только в Кремле – таковы уж наши реалии.

– Это пустые слова...

– Согласен, мы не имеем убедительной доказательной базы. Но кому еще что-то не ясно? «Дайте нам срок, и все наладится», – любит говаривать ваша компания. Эх, Викентий Петрович, дать бы вам действительно реальный срок... А слова мои не пустые, сами об этом знаете. Ваши люди связались с руководством фирмы «Сибмаш» и уверили, что могут содействовать заключению контракта с областной администрацией на ремонт дороги между райцентрами Болотное и Курдус. Обещали аванс по контракту в размере ста миллионов рублей. А за это попросили у бизнесменов всего каких-то шесть миллионов. Деньги перевели. Дорога до сих пор не построена. Даже не начинали. На руководство «Сибмаш» заводят уголовное дело – за воровство выделенных бюджетных средств, а с вас взятки гладки. Вы вообще не фигурант, даже трудитесь не в этой области. Но связи

у вас внушительные. Некий коммерсант четыре месяца назад передал вам через посредника взятку – крохотную, всего лишь триста тысяч рублей, даже не взятка, а так, пособие по старости – вы обещали посодействовать в получении разрешения на установку торговых киосков напротив здания УВД по транспорту. Но сразу предупредили: может и не срастись. И не срослось. Вы даже не пытались что-то сделать. Коммерсант вас не достанет, кто он такой? Вы ловкий мошенник, Викентий Петрович. Помните ваши аферы в период кризиса? Стоимость акций крупных компаний упала на пятьдесят процентов. Ваши «аналитики» призывали людей инвестировать в ценные бумаги, пока те дешевые. Мол, кончится кризис, акции начнут стремительно дорожать, и вы все разбогатеете. Псевдоброкеры звонили начинающим инвесторам с предложением купить акции компаний «Сибцемент», «Строй-Вест» – в связи с их «прогнозируемым» быстрым ростом. Но нужно спешить – акций осталось совсем немного. Люди спешили, тратили деньги и вскоре понимали, что инвестировали в фирму-пустышку. Подобные конторы существуют лишь на бумаге, продать их акции невозможно. Фальшивые брокеры испарялись, а на вас ничто не указывало...

– Но это же смешно... – проговорил депутат.

– А аферы с материнским капиталом, выдаваемым женщинам за рождение второго ребенка? Просто песня. Мошенничество хитроумное, в деле помимо вас коллеги из

параллельных структур, солидное прикрытие – докопаться невозможно. Но один из следователей, недавно уволенный из органов, вашу аферу разложил по полочкам – вот только обнародовать не может, поскольку жить хочет. Вы создали несколько фирм, специально обученные люди собирают информацию о многодетных матерях, страдающих психическими расстройствами, алкоголичках, находящихся в трудном материальном положении. Затем им предлагается получить и обналичить причитающиеся им по закону деньги. А это без малого 365 тысяч рублей. Юристы советуют женщинам заключать с этими фирмами договоры целевого займа якобы на приобретение жилья. Займ – на сумму материнского капитала. Но фактически эти деньги заемщикам не перечисляются. Фирмы проворачивают сделки по покупке жилья – мелкие доли в коммунальных квартирах, ветхих бараках. В дальнейшем погашается государственный сертификат на материнский капитал. В Пенсионный фонд уходят документы – в том числе справки об улучшении жилищных условий и остатке долга у заемщиков. И Пенсионный фонд перечисляет деньги фирмам, являвшимся кредиторами многодетных матерей. Малую их часть мошенники отдают женщинам, а львиную долю – себе...

– Чушь собачья... – зарычал Бох. – Этого не существует, я никогда ни в чем подобном не участвовал!

– Но собрались мы здесь по другому поводу. Существуют мошенничества, которые трудно доказать, и существуют

явные преступления, за которые положены конкретные наказания. В прошлые выходные, поздно вечером, будучи под градусом, вы возвращались домой из сауны на улице Никитина на одной из своих машин – внедорожнике «Вольво ХС90». Жене вы наврали про встречу с партнерами, которая, в принципе, состоялась (с человеком по фамилии Жабрицус – «в миру» авторитетный господин с погонялом Жабра) – но при этом присутствовали четыре девушки из модельного агентства «Мадам Бонавентура». Никаких проблем, Викентий Петрович, у кого нет проблем с бабками, у того нет проблем и с девками. Ваши моральные устои нас не волнуют, пока их отсутствие не вступает в противоречие с действующим законодательством. Время было позднее, шел дождь, машин и людей на улицах практически не было. Вы решили срезать по улице Тургенева, где введено одностороннее движение, и вы подались ему навстречу. Разогнались до огромной скорости и в районе частного сектора, а вернее, напротив круглосуточного магазина «Сюрприз» совершили наезд на переходящую дорогу молодую женщину. Почему вы ее не заметили, непонятно, местность освещена. Впрочем, учитывая дождь и количество выпитого... Удар был настолько силен, что женщину отбросило на двадцать метров. Свидетелей не было – если не считать таковой камеру видеофиксации, установленную под крышей магазина. С места ДТП вы скрылись, даже скорость не сбросили. Женщину в тяжелом состоянии доставили в больницу. Шок прошел, но назад

вы не вернулись. Ваша должность в комиссии по взаимодействию с правоохранительными органами подразумевает связи с полицией, в том числе и с дорожно-патрульной службой. Вы позвонили нужному человеку, и запись с камеры наблюдения бесследным образом испарилась. Но вы не учли, что до этого ее уже просмотрели. На ней запечатлелись момент происшествия и номер внедорожника. Негласно проведенное расследование позволяет утверждать, что за рулем находились вы. Уже на утро следующего дня машина была отогнана в сервисный центр, и следы столкновения исчезли за несколько часов...

– Это ложь... – простонал депутат. – Я никого не сбивал...

– Сбивали, – в голосе «обвинителя» зазвенели металлические нотки. – У тридцатилетней Светлицкой Надежды Васильевны, матери двоих детей, – множественные переломы и разрывы тканей, тупая травма позвоночника, перелом основания черепа, подкожные и внутричерепная гематомы. Вы знаете об этом, поскольку интересовались ее состоянием в «режиме невидимки». Но только этим и ограничились. Женщина находится в 14-й больнице – уже неделю в тяжелом состоянии, ей сделали несколько операций, но состояние стабильно ухудшается. Иногда она приходит в сознание, но никого не узнает. Муж у Надежды Васильевны скончался несколько лет назад. Ей требуется дорогостоящая операция, но денег нет. Нужен перевод в другую больницу – в заштатной 14-й просто отсутствует необходимое оборудова-

ние, требуются дорогие лекарства... об этом лучше всего поговорить со специалистами. Возможно, речь идет о последних часах жизни женщины. Наше условие, Викентий Петрович: если умрет гражданка Светлицкая, умрете и вы. Мгновенно, не пройдет и четверти часа. Не помогут ни связи, ни положение, ни попытки сбежать – о наших возможностях вы уже догадываетесь. А если нет, спросите у господ Огульнова и Новогорского, они в курсе. Мчитесь в больницу, спасите женщину, сделайте все возможное... и не забудьте о приговоре. Если извернетесь, избежите кары – умрете через час, через два, наутро, вся ваша жизнь до неизбежной пули в голову превратится в злобный кошмар...

– О г-господи... куд-куда я д-должен поехать? – язык депутата начинал заплетаться. – Я ничего не понимаю...

– Адрес 14-й больницы вам подскажет навигатор в машине. В дорогу, господин депутат. Поработайте с населением. Arbeit macht frei – «труд освобождает» – кажется, так писали ваши идейные предшественники на воротах своих концлагерей...

Викентия Петровича трясло так, словно его вынесли на стужу и бросили в снег. Мучители исчезли, а были ли мальчик с девочкой? Но глаза злодея – колючие, жесткие – засели в мозг и сверлили, как дрель. Он не помнил, как выпутался из халата, но как-то сумел – через голову и шиворот-навыорот. Блуждал по гостинной в «роскошных» семейных трусах. В туалет уже не хотелось, кончилось его терпение, срам-

то какой... Услышал, что в дверь колотят, добрел, шатаясь, до санузла, выпустил на свободу окончательно одичавшую Ольгу Вениаминовну. Она орала что-то ужасное, брезгливо поводила носом, рвалась к телефону, как фашист к Москве. Он скрутил ей руки, что-то жалобно мямлил, умолял никуда не звонить – дескать, будет только хуже. И физиономию при этом имел такую несчастную, что она быстро заподозрила что-то неладное.

– Рассказывай, Викентий! – потребовала жена. – И чтобы без вранья мне тут!

Ну, как же без вранья? Еще и от жены люлей огрести? Он исключил из рассказа длинноногих нимф из модельного агентства, супруга отметила в его повествовании определенную недосказанность, но когда услышала о главном... Она орала так, как никогда! И откуда столько экспрессии в этих пятидесяти килограммах живого веса? Он поневоле съежился, внимал.

– Бегом, Викентий! – голосила Ольга Вениаминовна, стреляя пальцем в выходную дверь. – Я удивляюсь, почему ты еще тут! Марш в больницу, и чтобы без победы не возвращался! Боже мой, какая ты, оказывается, сволочь... Пулей! Пока окончательно не разрушил свою, а попутно и мою жизнь! Хотя подожди, я с тобой...

– Нет! – заорал он, отталкивая от себя супругу. – Только не это, дом карауль!

Он плохо помнил, как одевался, неся в подземный га-

раж, бренча ключами от серебристого «Ниссан-Кашкай», как выводил машину на пустую улицу. Опомнился лишь через квартал, когда на перекрестке чуть не разбился о фонарный столб. Встал у тротуара, пытаясь привести в порядок взвинченную нервную систему. Бормотал: «Ты должен адекватно воспринимать действительность. Ты должен адекватно воспринимать... А настолько ли серьезна угроза?» Но снова вспоминались эти ужасные глаза, и рука невольно тянулась к рычагу переключения скоростей. Самое противное, что он не мог обратиться за помощью. Если распространится информация, что он кого-то сбил, — под ним зашатается не только кресло, но и кабинет, и все здание! И какого черта эту дуру понесло под его машину? Не видела, что едет человек?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.